

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/сентябрь-октябрь 2019 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	5
1. Законопроекты	5
2. Громкие банкротства	6
<i>Банки</i>	6
<i>Производство, торговля</i>	6
<i>Транспорт, инфраструктура</i>	6
В суд поступил иск о банкротстве судостроительного завода	6
<i>Строительство</i>	6
<i>Банкротство физических лиц</i>	6
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	6
<i>Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.</i>	6
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.</i>	10
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.</i>	14
<i>Оспаривание сделок должника.</i>	19
<i>Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.</i>	28
<i>Банкротство граждан.</i>	37
<i>Банкротство застройщиков.</i>	39

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	42
1. Книги	42
2. Диссертации	42
3. Статьи	42
4. Блоги	43

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем очередной выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства. Самые свежие публикации, законопроекты и судебная практика по интересующей нас теме. В этот раз большой объем материала посвящен процессуальным вопросам рассмотрения банкротных дел. После внушительного перерыва ВС РФ вновь обращается к теме субсидиарной ответственности и возможности её применения, однако подавляющая часть рассмотренных дел за анализируемый период так или иначе касается оспаривания сделок.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- 25 ноября 2019 года Юридический институт «М-Логос» проводит научно-практический круглый стол **«Определение размера компенсации морального вреда»**. Начало в 19.00. Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- На нашем сайте опубликовано расписание образовательных [дневных мероприятий](#) и [вечерних курсов](#) повышения квалификации Юридического института «М-Логос» на первое полугодие 2020 г.

- Приглашаем подписчиков Дайджеста принять участие в следующих образовательных программах, которые Институт организует по вопросам правового регулирования банкротства:

Вечерний курс повышения квалификации [«Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения»](#) (Москва, 26 ноября 2019г.– 24 января 2020г., формат обучения – вечерний).

Пятидневный семинар повышения квалификации [«Практика применения законодательства о банкротстве: новеллы законодательства, судебная практика и актуальные правовые вопросы»](#) (Москва, 09 - 13 декабря 2019г. и 25 – 28 февраля 2020г., формат обучения – дневной).

Двухдневный семинар повышения квалификации [«Субсидиарная ответственность при банкротстве: новеллы законодательства и актуальная судебная практика»](#) (Москва, 16 – 17 апреля 2020г., формат обучения – дневной).

Двухдневный семинар повышения квалификации [«Оспаривание сделок на основании Закона о несостоятельности \(банкротстве\): практические и проблемные аспекты»](#) (Москва, 08 - 09 июня 2020г., формат обучения – дневной).

[Онлайн-программа повышения квалификации «Практические аспекты ведения споров в сфере банкротства» \(24 ак. часа\)](#) (Москва, 06 – 28 апреля 2020г., формат обучения – онлайн).

- Электронное издательство "М-Логос" совместно с издательством "Статут" опубликовало новую книгу Е.В. Глухова «Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация». Это уникальная и объемная книга-мануал по составлению договоров купли-продажи акций или доли в ООО с разбором основных рисков, формулировок ключевых условий и др.

Электронную версию книги можно приобрести [здесь](#), заказать бумажную можно [здесь](#).

- Электронное издательство "М-Логос" совместно с издательством "Статут" опубликовало новую книгу «Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО» ответственный редактор А.А. Кузнецов. В статьях обсуждается, какой путь мы прошли в реформировании различных аспектов деятельности непубличных компаний в частности и в корпоративном праве в целом и куда двигаться дальше, тем самым помогая читателю составить представление как об основном круге актуальных вопросов, так и о путях их решения. При этом авторами активно используется сравнительно-правовой метод. Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также практикующих юристов и всех интересующихся корпоративным правом.

Электронную версию книги можно приобрести [здесь](#), заказать бумажную можно [здесь](#).

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы в свободном доступе видеозаписи, а также тезисы докладчиков презентаций книг, которые Институт организовал в сентябре - октябре 2019 г.:

[ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ ЕВГЕНИЯ ГЛУХОВА «Сделки купли-продажи акций и долей участия в уставных капиталах хозяйственных обществ: подготовка и реализация»](#)

[ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО» \(ответственный редактор А.А. Кузнецов\)](#)

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей процессуального права за июнь – август, сентябрь 2019 года](#)

[Дайджест новостей антимонопольного права за июль - август 2019 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за июль - август 2019](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного налогового права за июль - сентябрь 2019 г.](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права за июль - сентябрь 2019 года](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за сентябрь 2019 года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[Законопроект № 804015-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности \(банкротстве\) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)""](#)

Дата внесения в ГД: 01 октября 2019 года

Статус: 23 октября 2019 года одобрен Советом Федерации

Инициатор: Депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Из пояснительной записки к законопроекту:

Законодательство не предоставляет гражданам-участникам ЖСК возможности получить выплату возмещения в случае принятия публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» решения о нецелесообразности финансирования завершения строительства переданных ЖСК проблемных объектов и ставят их в неравное положение по сравнению с участниками долевого строительства.

В этой связи для усиления защиты прав таких граждан представляется целесообразным рассмотреть возможность изменения законодательства, которое позволило бы установить правовые основания для выплаты публично-правовой компанией «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» (далее - Фонд) возмещения гражданам-членам ЖСК, созданных в рамках процедуры банкротства застройщиков в целях завершения строительства проблемных объектов.

[Законопроект № 792949-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" в части внесудебного банкротства гражданина"](#)

Дата внесения в ГД: 12 сентября 2019 года

Инициатор: Депутаты Государственной Думы

Комитеты: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Из пояснительной записки к законопроекту:

Настоящий проект федерального закона направлен на введение внесудебного порядка признания гражданина банкротом. Сопровождение внесудебного порядка банкротства гражданина предлагается возложить на арбитражного управляющего, который будет обязан проверить соответствие гражданина предъявляемым законом требованиям и удостоверить данный факт. После чего он размещает сведения о возбуждении внесудебного порядка банкротства на ЕФРСБ. Последствия возбуждения внесудебного порядка сопоставимы с последствиями введения реструктуризации долгов, в частности прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина. В течение года кредиторы и уполномоченные органы имеют право подать заявление о признании должника банкротом в суд в общем порядке. Также указанный срок предоставляется в целях улучшения жизненной ситуации гражданина, поиска более высоко оплачиваемой работы, вступления в наследство. О возникновении указанных обстоятельств гражданин обязан сообщить арбитражному управляющему и своим кредиторам. Внесудебный порядок в данном случае прекращается. В противном случае - через год внесудебный порядок завершается наступлением банкротства гражданина в силу закона.

Важным аспектом также является бесплатность сопровождения данного порядка для гражданина. Вознаграждение арбитражному управляющему, а также возмещение его расходов будет выплачиваться из фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, формируемого национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на основе взносов саморегулируемых

организаций арбитражных управляющих. При этом сопровождать процедуру банкротства смогут только арбитражные управляющие, состоящие в саморегулируемой организации, являющейся членом национального объединения саморегулируемых организаций, которое установит порядок и сроки выплаты вознаграждения и возмещения расходов арбитражному управляющему саморегулируемой организацией.

2. Громкие банкротства

Банки

[Суд признал банк «Прайм Финанс» банкротом](#)

[«Траст» назвал сумму требований к «Открытие холдингу»](#)

[Суд не стал привлекать к «субсидиарке» партнёра ЕПАМ Егорова](#)

[Суд обанкротил Международный банк Санкт-Петербурга](#)

[АСВ требует взыскать с управляющих Владпромбанка 2,6 млрд рублей](#)

Медиа

[Управляющий РФГ отозвал иск к Шварценеггеру и Джеки Чану](#)

Производство, торговля

[Завод «Ангстрем-Т» признали банкротом](#)

[В суд поступил иск о банкротстве Центра Хруничева](#)

[Американская Purdue Pharma подала в суд документы о банкротстве](#)

Транспорт, инфраструктура

[В суд поступил иск о банкротстве судостроительного завода](#)

Строительство

[В суд поступил иск о банкротстве «Оборонэнергоэффективности»](#)

[Сахалинская компания банкротит «Стройгазконсалтинг»](#)

Банкротство физических лиц

[Суд признал банкротом бизнесмена Якубовского](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 12.09.2019 № 305-ЭС18-15765](#)

Заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, поданное и принятое к производству до завершения/прекращения процедуры банкротства должника, подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве должника, а не в рамках общеискового производства. Последующее завершение дела о банкротстве и внесение записи об исключении должника из ЕГРЮЛ не препятствует рассмотрению такого заявления по существу, учитывая, что контролирующие должника лица правоспособность сохранили.

Прекращение производства по такому заявлению при указанных обстоятельствах фактически приводит к ограничению в праве на судебную защиту, что недопустимо.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника конкурсный кредитор – общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в размере 259 652 870,36 руб.

Суд округа оставил в силе определение суда первой инстанции о прекращении производства по спору.

Как установлено судами и следует из материалов обособленного спора, решением суда от 25.04.2017 должник признан банкротом, в отношении него введена процедура конкурсного производства.

Общество 19.10.2017 направило в суд заявление о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которое принято к производству 10.11.2017.

Определением суда от 17.11.2017 конкурсное производство завершено, в ЕГРЮЛ 09.04.2018 внесены сведения о прекращении деятельности должника в связи с его ликвидацией.

Суд округа поддержал выводы суда первой инстанции о том, что с момента завершения конкурсного производства рассмотрение заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве невозможно.

Между тем судами первой инстанции и округа не учтено следующее.

Федеральным законом от 29.07.2017 № 266 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – Закон № 266) Закон о банкротстве дополнен главой III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве».

Согласно новому законодательному регулированию конкурсные кредиторы вправе обратиться с заявлением о привлечении лица к субсидиарной ответственности в ходе любой процедуры, применяемой в деле о банкротстве, а также вне рамок дела о банкротстве в порядке искового производства (статьи 61.14, 61.19, 61.20 Закона о банкротстве).

Рассмотрение заявления о привлечении к субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве осуществляется в случае, если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности в соответствии с пунктом 3 статьи 61.14 Закона о банкротстве и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренной статьей 61.11 настоящего Федерального закона (пункт 1 статьи 61.20 Закона о банкротстве).

Общество обратилось с заявлением о привлечении к ответственности контролирующих лиц менее чем через полгода после признания должника банкротом, заявление принято судом к рассмотрению до завершения процедуры конкурсного производства.

При таких обстоятельствах последующее завершение дела о банкротстве и внесение записи об исключении должника из ЕГРЮЛ не препятствовало рассмотрению данного заявления по существу, учитывая, что контролирующие должника лица правоспособность сохранили.

Прекращение производства по настоящему заявлению фактически привело к ограничению в праве на судебную защиту (статья 46 Конституции Российской Федерации), что недопустимо.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 308-ЭС19-12135](#)

Ликвидация банкрота, исключение его из ЕГРЮЛ по итогам завершения процедуры конкурсного производства не препятствуют рассмотрению в рамках такого дела о банкротстве заявлений о процессуальном правопреемстве кредитора на иное лицо, потому как законом предусмотрен ряд действий кредитора, которые последний может и вправе осуществить в том числе и после завершения/прекращения процедуры банкротства должника.

В том случае, если имущественные права кредитора не были восстановлены до завершения конкурсного производства и ликвидации должника, законодательство о банкротстве предоставляет кредитору возможность удовлетворить свои требования за счет иных лиц. Так, в частности, кредитор вправе обратиться с иском о взыскании на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве), привлечь контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (пункты 3, 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве), взыскать убытки с конкурсного управляющего должника (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве).

Указанные права могут быть реализованы только в том случае, если лицо имеет статус кредитора в деле о банкротстве должника, в основе которого материально-правовое требование к должнику, ранее подтвержденное в деле о банкротстве.

Пункт 5 части 1 статьи 150 АПК РФ и пункт 48 постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 "О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в данном случае не применим, так как правопритязания кредитора сохраняются в

отношении действующих правоспособных лиц: контролирующих должника лиц, конкурсного управляющего должника, лиц, незаконно получивших имущество должника и т.п.

Иной подход необоснованно ограничивает кредитора в реализации своих имущественных прав.

В 2011 году банк во исполнение шести договоров об открытии кредитной линии, заключенных с обществом "ДжиТиЭм-Груп", перечислило последнему денежные средства. Должник кредит не вернул.

13.03.2013 в отношении общества "ДжиТиЭм-Груп" по его заявлению возбуждено дело о банкротстве, решением арбитражного суда от 13.06.2013 должник признан банкротом, открыто конкурсное производство по упрощенной процедуре банкротства.

Определением суда от 25.09.2013 требования банка в размере 167 739 238,55 руб. включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника как обеспеченные залогом его имущества.

29.12.2017 банк уступил Мишу Р.М. требование к должнику, вытекающее из договоров об открытии кредитной линии. Общая сумма требований банка к должнику на дату заключения договора уступки составляла 154 620 394,89 руб.

06.07.2018 конкурсное производство в отношении должника завершено.

07.08.2018 общество "ДжиТиЭм-Груп" исключено из ЕГРЮЛ.

По условиям договора от 21.09.2018 Миш Р.М. передал Титову А.В. и Мешвезу Р.Т. по 1/2 требования (по 77 310 197,44 руб.) к обществу "ДжиТиЭмГруп", перешедшего к Мишу Р.М. по договору цессии с банком от 29.12.2017.

09.10.2018 Титов А.В. и Мешвез Р.Т. обратились в арбитражный суд с заявлениями о процессуальном правопреемстве. Каждый из них потребовал заменить банк (первоначального кредитора) на себя в деле о банкротстве общества "ДжиТиЭм-Груп" по требованию на сумму 77 310 197,44 руб. В обоснование заявители сослались на вышеуказанные договоры уступки требований и настаивали на том, что замена кредитора возможна в деле о банкротстве и после завершения конкурсного производства.

В делах о банкротстве целью процедуры конкурсного производства является последовательное проведение мероприятий по максимальному наполнению конкурсной массы и соразмерное удовлетворение за ее счет требований кредиторов. В связи с этим статус кредитора предполагает наличие у него совокупности прав и обязанностей, определенных Законом о банкротстве, позволяющей реализовать свои имущественные интересы.

В соответствии с пунктом 4 статьи 149 Закона о банкротстве конкурсное производство завершается с внесением в ЕГРЮЛ записи о ликвидации должника.

По общему правилу ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (пункт 1 статьи 61 ГК РФ).

Ввиду отсутствия субъекта правоотношений, коим являлся должник-банкрот, предъявление к нему правопритязаний лишено какого-либо смысла, так как даже при констатации судом нарушенного права восстановить его за счет несуществующего субъекта правоотношений невозможно. Поэтому разногласия, заявления, ходатайства и жалобы в деле о банкротстве рассматриваются арбитражным судом в деле о банкротстве до внесения записи о ликвидации должника в ЕГРЮЛ, а после этого производство по подобным обращениям подлежит прекращению (пункт 48 постановления № 29).

Однако, в том случае, если имущественные права кредитора не были восстановлены до завершения конкурсного производства и ликвидации должника, законодательство о банкротстве предоставляет кредитору возможность удовлетворить свои требования за счет иных лиц. Так, в частности, кредитор вправе обратиться с иском о взыскании на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве), привлечь контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (пункты 3, 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве), взыскать убытки с конкурсного управляющего должника (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве).

Указанные права могут быть реализованы только в том случае, если лицо имеет статус кредитора в деле о банкротстве должника, в основе которого материально-правовое требование к должнику, ранее подтвержденное в деле о банкротстве.

Закон не ограничивает конкурсного кредитора в праве распоряжения своим требованием к лицам, вовлеченным в процесс банкротства должника. Более того, согласно статье 419 ГК РФ правило о прекращении обязательств ликвидацией юридического лица не применяется, если законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо, то есть, как это имеет место в Законе о банкротстве. Таким образом, и после ликвидации должника ряд

обязательств нельзя считать прекращенным: с наличием неисполненного требования к должнику закон связывает возможность реализации имущественных правоприязаний кредитора к другим лицам, в том числе причинившим вред при управлении должником.

На основании пункта 1 статьи 382, статьи 384 ГК РФ кредитор не лишен правовой возможности передать принадлежащее ему требование другому лицу по сделке как в полном объеме, так и в части. Как следствие, в силу пункта 1 статьи 48 АПК РФ при выбытии одной из сторон в установленном судебном актом арбитражного суда правоотношении (например, при уступке требования) арбитражный суд производит замену этой стороны ее правопреемником и указывает на это в судебном акте.

Пункт 5 части 1 статьи 150 АПК РФ и пункт 48 постановления № 29 в данном случае не применим, так как правоприязания кредитора сохраняются в отношении действующих правоспособных лиц: контролирующих должника лиц, конкурсного управляющего должника, лиц, незаконно получивших имущество должника и т.п.

Иной подход, занятый судами, необоснованно ограничивает кредитора в реализации своих имущественных прав.

[Определение ВС РФ от 28.10.2019 № 301-ЭС19-12957](#)

В случае, если возражающий кредитор представил косвенные доказательства заинтересованности, связанности должника, кредитора-заявителя по делу о банкротстве и управляющего, предлагаемого заявителем к утверждению, на данных лиц возлагается обязанность снять обоснованные сомнения, возникшие у суда относительно независимости предложенной кредитором кандидатуры управляющего.

В случае, если такая обязанность указанными лицами не исполнена, суду надлежит квалифицировать действия должника, кредитора-заявителя по делу о банкротстве и управляющего как согласованные и направленные на преодоление правила, установленного пунктом 5 статьи 37 Закона о банкротстве, согласно которому при подаче должником заявления о собственном банкротстве он не вправе предлагать саморегулируемую организацию, кандидатуру арбитражного управляющего, эта кандидатура определяется посредством случайного выбора.

При этом утверждению в деле о банкротстве такой заинтересованный арбитражный управляющий не подлежит.

По результатам рассмотрения обоснованности заявления Худоконенко К.В. решением арбитражного суда от 03.10.2018 в отношении ООО «Дизель-Трейд» введено конкурсное производство по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника, конкурсным управляющим утвержден Николаев В.В.

Постановлением апелляционного суда от 18.12.2018 решение суда первой инстанции изменено в части утверждения арбитражного управляющего, конкурсным управляющим должником утверждена Столярова С.В.

Постановления судов апелляционной инстанции и округа в обжалуемой части подлежат отмене с оставлением в силе в отменной части решения суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанции, 22.05.2018 единственным участником общества «Дизель-Трейд» принято решение о ликвидации этой организации, ликвидатором назначен Суворов А.В.

Обратившись 12.07.2018 в суд с заявлением о банкротстве должника, кредитор Худоконенко К.В. предложила утвердить конкурсным управляющим Столярову С.В.

При подаче должником заявления о собственном банкротстве он не вправе предлагать саморегулируемую организацию, кандидатуру арбитражного управляющего, эта кандидатура определяется посредством случайного выбора (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве). Такое правовое регулирование направлено на обеспечение подлинной независимости управляющего, предотвращение потенциального конфликта интересов, то есть на устранение всяких сомнений относительно того, что управляющий в приоритетном порядке будет отстаивать интересы должника в ущерб интересам гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов.

Как разъяснено в пункте 27.1 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016 (в редакции от 26.12.2018), установленное пунктом 5 статьи 37 Закона о банкротстве правило по аналогии (пункт 1 статьи 6 ГК РФ) подлежит применению и в ситуации, когда кандидатура управляющего, саморегулируемая организация

предложены заявителем по делу о банкротстве, аффилированным по отношению к должнику или имеющим возможность иным образом определять его действия.

В рассматриваемом случае суд первой инстанции установил, что ликвидатор должника Суворов А.В. и арбитражный управляющий Столярова С.В. использовали один и тот же абонентский ящик № 88, установленный в отделении связи № 600000 в городе Владимире, для переписки с третьими лицами и приема от них корреспонденции. Ранее Суворов А.В., обращаясь с заявлением о признании банкротом другого хозяйственного общества, предложил утвердить арбитражным управляющим Столярову С.В. В рамках этого дела интересы арбитражного управляющего Столяровой С.В. представляла Худоконенко К.В.

Со ссылкой на указанные обстоятельства и возникшие в связи с этим сомнения относительно независимости арбитражного управляющего Столяровой С.В. арбитражный суд дважды предлагал кредитору и должнику представить дополнительные письменные объяснения о возможности утверждения Столяровой С.В. конкурсным управляющим в рамках настоящего дела о банкротстве ликвидируемого общества «Дизель-Трейд». Однако кредитор Худоконенко К.В., не отрицая факт знакомства со Столяровой С.В., не дала суду каких-либо разумных пояснений по поводу того, чем она руководствовалась при выборе кандидатуры арбитражного управляющего, об обстоятельствах, при которых это знакомство состоялось. В свою очередь, ликвидатор Суворов А.В. не раскрыл причины, по которым почтовая корреспонденция, адресованная ему и арбитражному управляющему Столяровой С.В., поступала в одно и то же место.

При этом из общедоступной базы судебных актов арбитражных судов видно, что наряду с заявлением о возбуждении производства по рассматриваемому делу Худоконенко К.В. подавала заявления о признании банкротами иных ликвидируемых обществ с ограниченной ответственностью. В обоих случаях кредитор Худоконенко К.В. предлагала утвердить конкурсным управляющим Столярову С.В., а ликвидатором должников был Суворов А.В.

В упомянутых делах, оконченных в связи с завершением конкурсного производства, равно как и в настоящем деле, кредитор Худоконенко К.В. безразлично относилась к тому, что ее требования остаются непогашенными, что выходит за рамки стандартного поведения любого независимого кредитора. При этом она не отмечала какие-либо профессиональные качества и заслуги кандидата, которые побуждали ее раз за разом предлагать в качестве управляющего Столярову С.В.

С учетом изложенного следует согласиться с позицией ФНС России о том, что в материалах дела имеются согласующиеся между собой косвенные доказательства связанности кредитора Худоконенко К.В., ликвидатора должника Суворова А.В. и арбитражного управляющего Столяровой С.В.

Констатировав отсутствие прямых доказательств заинтересованности Столяровой С.В. по отношению к кредитору и должнику, суд апелляционной инстанции не принял во внимание положения части 2 статьи 9 и части 1 статьи 65 АПК РФ, в соответствии с которыми в сложившейся ситуации именно заявителю по делу о банкротстве надлежало снять обоснованные сомнения, возникшие у суда первой инстанции, относительно независимости предложенного им кандидата. Худоконенко К.В. располагала всем объемом информации об отношениях и договоренностях с арбитражным управляющим и ликвидатором. Ей не составляло труда раскрыть мотивы выбора кандидатуры управляющего.

Такие действия Худоконенко К.В. не совершила и согласно части 2 статьи 9 АПК РФ должна нести риск наступления неблагоприятных последствий непредставления доказательств. Отказ Худоконенко К.В. раскрыть информацию следовало квалифицировать как признание факта заинтересованности, о котором заявляет Федеральная налоговая служба.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 14.10.2019 № 305-ЭС16-20779 \(47\)](#)

Когда арбитражный управляющий выступает в процессе на стороне кредиторов и должника, он действует в качестве их представителя, потому справедливым является то, что издержки, связанные с защитой интересов конкурсной массы, должны быть понесены за счет входящего в ее состав имущества.

В случаях, когда управляющий противостоит кредиторам (рассмотрение жалоб на действия управляющего и т.д.) и действует исключительно в своих интересах, расходы на ведение процесса он должен нести за свой счет.

В случае, если жалоба на действия арбитражного управляющего была признана судом необоснованной, законодательно предусмотрен механизм компенсации управляющему понесенных расходов – их переложение на проигравшую сторону по правилам статьи 110 АПК РФ. При этом распределение издержек происходит именно за счет кредиторов, требовавших признания действий (бездействия) незаконными. Если же услуги юристов оплачиваются из средств, составляющих конкурсную массу, то фактически расходы несут все кредиторы, в том числе те, кто не настаивал на удовлетворении жалобы на управляющего, что не является обоснованным.

В рамках дела о банкротстве должника ООО «Индустрия ЛКМ» (правопродшественник общества) обратилось с заявлением:

- о признании необоснованными привлечение конкурсным управляющим должником в лице агентства адвокатов и сотрудников Московской коллегии адвокатов «Кворум» для защиты конкурсного управляющего от жалоб конкурсных кредиторов на действия (бездействие) управляющего;

- о признании необоснованной оплаты за счет конкурсной массы названных услуг коллегии адвокатов;

- о взыскании с агентства суммы оплаченных из конкурсной массы услуг коллегии адвокатов;

- об обязанности управляющего устранить допущенные нарушения путем расторжения соглашения от 23.08.2017 № 2017-3335/3.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано. Судебные акты подлежат частичной отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, между банком в лице агентства как конкурсного управляющего и адвокатом коллегии адвокатов «Кворум» заключено соглашение от 23.08.2017 № 2017-3335/3 по сопровождению судебных процессов по рассмотрению обоснованности жалоб кредиторов на действия (бездействие) конкурсного управляющего банком.

Заключение названного соглашения одобрено решением комитета кредиторов.

Полагая, что привлечение сторонних юристов для участия в обособленных спорах о признании незаконными действий (бездействия) агентства является неправомерным, кредитор обратился с настоящим заявлением в суд.

Поведение лиц, участвующих в деле о банкротстве, должно быть направлено на достижение целей несостоятельности – восстановление платежеспособности в реабилитационной процедуре или наиболее полное удовлетворение требований кредиторов в ликвидационной процедуре. Достижение названной цели зависит от того, насколько полно и в каких объемах удастся наполнить конкурсную массу. Поэтому задача вовлеченных в процесс несостоятельности лиц заключается в том, чтобы действовать добросовестно в интересах конкурсной массы, то есть относиться к ней так, как если бы имущество, ее составляющее, являлось бы личным имуществом каждого из них.

Предполагается, что в наибольшей части обособленных споров, рассматриваемых в деле о банкротстве (оспаривание сделок, включение требований в реестр, разрешение разногласий и т.д.), интересы арбитражного управляющего, должника и гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов последнего, совпадают.

Характерной же особенностью споров о признании незаконными действий (бездействия) арбитражного управляющего является то, что судебное разбирательство по такой категории дел построено по модели, подразумевающей противопоставление фигуры управляющего иным участникам банкротного процесса. Выдвигая против управляющего обвинения в ненадлежащем осуществлении возложенных на него полномочий, кредиторы или иные лица тем самым вынуждают управляющего занимать противоположную позицию в споре, доказывая свою разумность, добросовестность и лояльность должнику и его кредиторам.

Соответственно, в первой ситуации, когда управляющий выступает в процессе на стороне кредиторов и должника, он действует в качестве их представителя, а потому справедливым является то, что издержки, связанные с защитой интересов конкурсной массы, должны быть понесены за счет входящего в ее состав имущества.

В случаях же, когда управляющий противостоит кредиторам и действует исключительно в своих интересах, расходы на ведение процесса он должен нести за свой счет.

Из материалов дела следует и суды установили, что спорное соглашение об оказании юридических услуг по защите управляющего от жалоб кредиторов со стороны заказчика было заключено не управляющим лично, а банком в лице управляющего, что подразумевает несение соответствующих расходов за счет

конкурсной массы. Финансирование услуг юристов подобным образом не соответствует стандартам добросовестного и разумного осуществления своих полномочий (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

По сути, сложилась ситуация, в рамках которой средства конкурсной массы, которые в итоге предназначаются на погашение требований кредиторов, расходуются управляющим против этих же кредиторов, истцы фактически оплачивают стоимость услуг юристов ответчика, в том числе в случаях, когда жалобы на действия (бездействие) управляющего признавались обоснованными.

Ссылка же заявителей на то, что расходование средств из конкурсной массы банка согласовано с комитетом кредиторов, подлежит отклонению по следующим причинам. Во-первых, арбитражный управляющий несет самостоятельную обязанность действовать добросовестно и разумно (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2016 год, утвержденный 20.12.2016 Президиумом Верховного Суда Российской Федерации), независимо от решения коллегиального органа кредиторов; во-вторых, по той причине, что некоторые кредиторы (в частности, общество) были не согласны с подобным решением комитета, а потому оно не может быть им противопоставлено, то есть не препятствует обжалованию действий конкурсного управляющего.

Указание же агентства и коллегии адвокатов на то, что большинство жалоб заявителей являлось необоснованным, то есть, защищаясь от жалоб, управляющий фактически действовал не в своих интересах, а в интересах конкурсной массы, подлежит отклонению. Как указано выше, жалоба на управляющего является требованием против него, а не против конкурсной массы; удовлетворение жалобы подразумевает, что суд обязывает именно управляющего (а не должника) устранить допущенные нарушения. Поэтому несение судебных издержек за счет конкурсной массы даже в условиях неизвестности результатов обособленного спора является неправомерным. В случае признания жалобы необоснованной законодательно предусмотрен иной механизм компенсации управляющему понесенных расходов – их переложение на проигравшую сторону по правилам статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. При этом распределение издержек происходит именно за счет кредиторов, требовавших признания действий (бездействия) незаконными. Если же услуги юристов оплачиваются из средств, составляющих конкурсную массу, то фактически расходы несут все кредиторы, в том числе те, кто не настаивал на удовлетворении жалобы на управляющего.

Привлечение агентством за счет конкурсной массы коллегии адвокатов для защиты конкурсного управляющего от жалоб кредиторов на его действия (бездействие), а также оплата названных услуг за счет конкурсной массы подлежат признанию необоснованными. Поскольку размеры выплат в пользу коллегии адвокатов за названные услуги судами не устанавливались, обособленный спор в части вопроса о подлежащих взысканию с конкурсного управляющего сумм оплаченных за счет конкурсной массы услуг подлежит направлению на новое рассмотрение.

В отношении остальной части требований – об обязанности управляющего расторгнуть соглашение от 23.08.2017 № 2017-3335/3 – суды правомерно не удовлетворили требования кредиторов в этой части, поскольку условия данного соглашения, определяющие его предмет, являются неоднозначными, что позволяет оказывать в его рамках иные услуги, направленные на защиту интересов не только управляющего, но также должника и его кредиторов. Признание необоснованным привлечения юристов за счет конкурсной массы в целях оказания спорного вида услуг для действующего разумно арбитражного управляющего является достаточным для того, чтобы прекратить подобное необоснованное расходование средств конкурсной массы самостоятельно, без дополнительного указания со стороны суда.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 305-ЭС19-9863](#)

При рассмотрении жалобы на действия арбитражного управляющего, выразившиеся в нарушении календарной очередности удовлетворения требований кредиторов должника по текущим обязательствам, суду надлежит исследовать, имелись ли у управляющего обоснованные причины для такого нарушения, предусмотренные абзацем третьим пункта 40.1 постановления от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»».

Согласно указанным разъяснениям, отступление арбитражным управляющим от очередности исполнения текущих обязательств, предусмотренной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве может быть признано обоснованным, в частности, в случае представления доказательств того, что такое отступление обусловлено исключительными обстоятельствами – необходимостью предотвращения катастрофы, гибели людей.

В случае, если указанные обстоятельства привели к нарушению управляющим очередности удовлетворения текущих требований, такие действия управляющего не подлежат признанию незаконными.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО «Реставрационный проект», должник его конкурсный кредитор – ООО «Финактив РУ» – обратилось в суд с жалобой на действия конкурсного управляющего Ольгина А.В., выразившиеся в нарушении календарной очередности удовлетворения требований кредиторов должника по текущим обязательствам.

Жалобы на действия управляющего Ольгина А.В., касающиеся нарушения очередности погашения текущих обязательств, поданы также рядом физических лиц, являвшихся работниками должника.

Судами трех инстанций жалобы признаны обоснованными. Данные судебные акты подлежат отмене.

Решением суда первой инстанции от 16.10.2017 общество «Реставрационный проект» признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство, конкурсным управляющим утвержден Ольгин А.В.

Конкурсный управляющий Ольгин А.В. перечислил с расчетного счета общества «Реставрационный проект» денежные средства: 1 022 000 руб. (28.12.2017) и 400 000 руб. (16.03.3018) в пользу ООО «ЧОП 13 рота» в оплату услуг по охране объектов должника (за сентябрь – ноябрь 2017 года, январь 2018 года); 642 840 руб. (15.02.2018) и 179 531,15 руб. (16.03.3018) в пользу ООО «Высота» в счет оплаты оказанных услуг (за февраль, март 2018 года).

Определением суда первой инстанции от 21.05.2018 Ольгин А.В. освобожден от исполнения обязанностей конкурсного управляющего обществом «Реставрационный проект».

В соответствии со статьями 134, 142 Закона о банкротстве в процедуре конкурсного производства расчеты с кредиторами, в том числе по текущим обязательствам, производит конкурсный управляющий. Текущие требования об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, о выплате выходных пособий удовлетворяются им во вторую очередь (пункт 2 статьи 134 Закона о банкротстве).

При этом управляющий при проведении процедур банкротства обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов (пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае, суды исходили исключительно из того, что требования кредиторов по текущим платежам пятой очереди удовлетворения (требования обществ «ЧОП 13 рота» и «Высота») погашены управляющим преимущественно перед текущими требованиями работников, относящимися ко второй очереди удовлетворения.

Возражая по жалобам, управляющий Ольгин А.В. ссылаясь на то, что он действовал добросовестно и разумно. Ситуация, связанная с нарушением очередности исполнения текущих обязательств перед работниками, была создана искусственно физическими лицами, аффилированными с должником и его кредиторами. Так, Ходаков К.Н. являлся руководителем должника, который не исполнил обязанность по передаче конкурсному управляющему документации, в том числе трудовых договоров, приказов о приеме на работу, бухгалтерских документов о состоянии расчетов с работниками. По мнению конкурсного управляющего, он не был осведомлен о наличии какого-либо долга перед физическими лицами, последние к управляющему не обращались, а судебное решение по трудовому спору вынесено после совершения управляющим перечислений в адрес обществ «ЧОП 13 рота» и «Высота». Несмотря на то, что долг по заработной плате, на который сослались суды, образовался в ходе процедуры наблюдения, он не отражался в отчете временного управляющего. Ольгин А.В. отрицает тот факт, что упомянутые граждане работали в обществе «Реставрационный проект» в тот период, когда он осуществлял полномочия конкурсного управляющего. При этом, как полагает арбитражный управляющий, ряд граждан в настоящее время представляют кредиторов в деле о банкротстве общества «Реставрационный проект», то есть имеют интерес, отличный от интереса обычного работника: Ходаков К.Н. (бывший руководитель должника) – представляет общество «Финактив РУ», Крутицкая Е.С. – представляет заявителя по делу о банкротстве – общество с ограниченной ответственностью «Аркстрой» (далее – общество «Аркстрой»), а также общество «Финактив РУ», Слончак И.В. – представляет общества с ограниченной ответственностью «Волга-информпресс» (далее – общество «Волга-информ-пресс») и «Горизонт», Чепурнов Д.В. – представляет общество «Волга-информ-пресс», Жагров С.А. – представляет общество «Аркстрой».

В нарушение положений статей 71, 168 и 170 АПК РФ суды первой и апелляционной 5 инстанций не проверили возражения арбитражного управляющего, уклонились от исследования и оценки представленных им доказательств.

Суд округа допущенные судами нарушения норм права не устранил.

Кроме того, по смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 134 Закона о банкротстве, разъяснений Пленума ВАС РФ, данных в абзаце третьем пункта 40.1 постановления от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с применением Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», отступление арбитражным управляющим от очередности исполнения текущих обязательств, предусмотренной пунктом 2 статьи 134 Закона о банкротстве может быть признано обоснованным, в частности, в случае представления доказательств того, что такое отступление обусловлено исключительными обстоятельствами – необходимостью предотвращения катастрофы, гибели людей.

В настоящем деле в обоснование довода о наличии экстраординарных обстоятельств арбитражный управляющий указывал на то, что должник строил блок начальных классов на территории действующего образовательного учреждения (общеобразовательной школы № 2109). Охрану строительной площадки осуществляло общество «ЧОП 13 рота», привлеченное еще до возбуждения дела о банкротстве. Вскоре после открытия конкурсного производства оно потребовало погасить текущую задолженность под страхом снятия постов охраны и прекращения договорных отношений. Платежи в пользу общества «ЧОП 13 рота», как полагал управляющий, вызваны крайней необходимостью и направлены не только на обеспечение сохранности имущества должника, но и на обеспечение безопасности несовершеннолетних обучающихся. Платежи в пользу общества «Высота», как отмечал управляющий, вызваны тем, что в нарушение правил производства строительных работ бывший руководитель должника разместил вблизи школы такой строительный кран, который создал угрозу безопасности для посетителей образовательного учреждения. Данное нарушение выявлено Мосгосстройнадзором. Конкурсный управляющий предпринимал меры к демонтажу и вывозу этого потенциально опасного крана, оплатив соответствующие расходы в пользу общества «Высота» (подрядчика).

Возражения арбитражного управляющего о наличии оснований для отступления от предусмотренной Законом о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим обязательствам остались без какой-либо оценки со стороны судов.

Если доводы конкурсного управляющего Ольгина А.В. о возникновении реальной угрозы безопасности школьников соответствовали действительности, любой разумный менеджер, на которого возложены полномочия руководителя строительной организации, осуществил бы в приоритетном порядке платежи в пользу охранного предприятия и подрядчика.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 02.09.2019 № 306-ЭС19-11667](#)

Во избежание формирования несуществующей кредиторской задолженности при банкротстве эмитента, судебной проверке подлежит добросовестность векселедержателя, тем более, если по этому поводу заявлены возражения лиц, имеющих на это право в соответствии с пунктом 2 статьи 71 Закона о банкротстве. Указанным возражениям векселедержатель может противопоставить доводы и доказательства, подтверждающие, в частности, законность владения векселем; наличие обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, либо неосведомленность в момент приобретения векселя об отсутствии такого обязательства.

В случае, если векселем опосредованы заемные отношения, поставленные под сомнение лицами, участвующими в деле о банкротстве заемщика, суду надлежит проверить сведения об отражении движения заемных денежных средств на банковских счетах займодавца.

Как следует из судебных актов и материалов дела, публичное акционерное общество "Ак Барс" Банк платежным поручением от 20.04.2015 № 10868 перечислило обществу "Татагро" 466 367 000 руб.

Общество "Татагро" в тот же день выдало обществу "Ак Барс" Банк свой простой вексель 191 от 20.04.2015 номинальной стоимостью 466 367 000 руб.

20.03.2017 общество "Ак Барс" Банк продало вексель 191 обществу "Татагролизинг" за 500 000 000 руб.

25.04.2017 общество "Татагролизинг" продало вексель 191 обществу "Агросистема" за 536 188 518,02 руб., получив в качестве встречного предоставления товары и денежные средства. Расчет произведен не полностью, за обществом "Агросистема" осталась задолженность.

В тот же день общество "Агросистема" обменяло у общества "Татагро" вексель 191 на два новых номиналом 204 055 000 руб. и 332 133 518,02 руб. Последний – вексель 193.

01.10.2017 общество "Татагролизинг" приобрело у общества "Агросистема" вексель 193, рассчитавшись зачетом требований к последнему по задолженности в оплате векселя 191 по сделке от 25.04.2017 на сумму 332 133 518,02 руб. Остаток задолженности в пользу общества "Татагролизинг" составил 40 926 476,02 руб.

29.11.2017 возбуждено производство по делу о банкротстве общества "Татагро", введена процедура наблюдения.

Общество "Татагролизинг" заявило о включении в реестр требований кредиторов должника 332 133 518,02 руб. вексельного долга и 26 042 907,63 руб. процентов по векселю. Временный управляющий обществом "Татагро" потребовал признать недействительной сделку должника по выдаче векселя 193.

В связи с абстрактным и безусловным характером вексельного обязательства по общему правилу при предъявлении требования об оплате векселя не требуется подтверждения оснований обязательства. В то же время сознательные действия векселедержателя, направленные на причинение ущерба должнику (например, осведомленность в момент приобретения векселя о недействительности или об отсутствии обязательства, лежащего в основе выдачи векселя; получение векселя в результате обмана или кражи или осведомленность об этих обстоятельствах) освобождают лицо, обязанное по векселю, от платежа (пункт 17 Положения о векселе, пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 14 от 04.12.2000 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей").

Во избежание формирования несуществующей кредиторской задолженности при банкротстве эмитента, подлежит судебной проверке добросовестность векселедержателя, тем более, если по этому поводу заявлены возражения лиц, имеющих на это право в соответствии с пунктом 2 статьи 71 Закона о банкротстве. Указанным возражениям векселедержатель может противопоставить доводы и доказательства, подтверждающие, в частности, законность владения векселем; наличие обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, либо неосведомленность в момент приобретения векселя об отсутствии такого обязательства.

В данном обособленном споре из обстоятельств, установленных судами, следует, что, учитывая эквивалентный обмен своих же векселей самим эмитентом, основания, лежащие в основе выдачи векселя 193, были теми же, что лежали в основаниях выдачи векселя 191.

Согласно позиции общества "Татагролизинг", векселем 191 опосредованы заемные отношения между обществом "Ак Барс" Банк и обществом "Татагро", которые по существу сводились к обязательству последнего вернуть банку заем в размере 466 367 000 руб., полученный в апреле 2015 года.

В суде апелляционной инстанции наличие заемных обязательств было поставлено под сомнение. Заявитель апелляционной жалобы и поддерживающие его лица настаивали на том, что доказательств, представленных обществом "Татагролизинг", не достаточно для подтверждения факта передачи обществу "Татагро" займа, так как не представлены сведения об отражении движения денежных средств на банковских счетах общества "Ак Барс" Банк.

Однако, из апелляционного постановления не следует, что банковские счета, по которым осуществлялась, по мнению общества "Татагролизинг", проводка займа в 2015 году, получили судебную оценку. Общество "Татагролизинг" настаивало на том, что выписка по счетам имеет достоверную и исчерпывающую информацию о займе, предоставленном обществу "Татагро". Данная выписка представлялась в суд, была судом осмотрена, но не приобщена к материалам дела, не описана в протоколе, по ней не принято каких-либо процессуальных решений. Данный довод общества "Татагролизинг" не опровергнут прочими лицами, участвовавшими в судебном заседании Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Сведения о банковской проводке по займу имеют существенное значение для разрешения спора, так как могут подтвердить или опровергнуть основания выдачи векселя. В нарушение требований статей 8, 9, 71, 271 (часть 2 пункт 12) Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации апелляционный суд не оценил доводы и доказательства, представленные стороной спора, а окружной суд не исправил ошибку апелляционного суда.

Вопреки выводам апелляционного и окружного судов, при установлении фактов действительности выдачи обществом "Татагро" векселя и наличия у эмитента реального обязательства, лежащего в основе выдачи векселя, условия сделок обществ "Татагролизинг" и "Агросистема" по приобретению векселей даже

при наличии в них пороков не имеют существенного значения для разрешения данного спора и никоим образом не освобождают общество "Татагро" от исполнения вексельного обязательства. По крайней мере, убедительных доводов о влиянии пороков указанных сделок на действительность вексельного обязательства лицами, участвующими в деле, не приводилось.

[Определение ВС РФ от 05.09.2019 № 305-ЭС16-11710 \(3\)](#)

Оставление без рассмотрения требования кредитора о включении его требований в реестр, заявленного в процедуре конкурсного производства, по мотиву наличия незавершенного общеискового производства по аналогичным требованиям кредитора, препятствует реализации права на судебную защиту, гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Учреждение обратилось в суд, рассматривающий дело о несостоятельности (банкротстве) общества (подрядчика), с заявлением о включении его денежного требования в сумму 5 193 364 328 руб., возникшего в связи с ненадлежащим исполнением обществом обязательств по шести договорам подряда, в реестр требований кредиторов подрядчика. В заявлении учреждение также просило признать его требования в сумме 349 994,72 руб. и 36 000 руб. текущими.

Судами трех инстанций заявление учреждения в части, касающейся включения денежного требования в реестр требований кредиторов, оставлено без рассмотрения, в части признания задолженности текущей – производство по заявлению прекращено.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и усматривается из материалов настоящего дела о банкротстве и судебных актов по делу № А40-32570/2014, разрешаемому в порядке искового производства, 05.03.2014 учреждение (заказчик) обратилось в арбитражный суд с иском к обществу (подрядчику) о взыскании 1 109 750 000 руб. в связи с ненадлежащим исполнением подрядчиком обязательств по шести договорам подряда на выполнение работ по капитальному ремонту зданий и сооружений и благоустройству территории детских оздоровительных лагерей (размер исковых требований впоследствии уточнялся учреждением) (дело № А40-32570/2014).

Вскоре после этого (10.06.2014) арбитражным судом возбуждено производство по делу о несостоятельности (банкротстве) общества.

Решением арбитражного суда от 01.02.2018 общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении общества открыта процедура конкурсного производства.

В связи с открытием в отношении общества процедуры конкурсного производства арбитражный суд оставил без рассмотрения иск учреждения к обществу, поданный в деле № А40-32570/2014.

Затем (02.04.2018) учреждение в деле о банкротстве общества предъявило ему денежное требование, основанное на ненадлежащем исполнении последним обязательств по тем же шести договорам подряда, что были указаны учреждением в иске.

Впоследствии постановлением суда апелляционной инстанции по делу № А40-32570/2014 отменено определение суда первой инстанции об оставлении без рассмотрения иска учреждения к обществу, данный иск направлен в арбитражный суд первой инстанции для рассмотрения по существу в общеисковом порядке.

Суды трех инстанций в споре об установлении требований учреждения к обществу в рамках банкротства последнего пришли к выводу, что наличие неприостановленного, непрекращенного искового производства является препятствием для рассмотрения по существу аналогичного требования кредитора, заявленного в деле о банкротстве.

Суд округа в деле № А40-32570/2014 оставил в силе определение суда первой инстанции об оставлении этого иска без рассмотрения.

Также судом округа были оставлены без изменения судебные акты по рассмотрению требований учреждения, принятые в деле о банкротстве общества.

Таким образом, судами как в рамках искового производства, так и в рамках дела о банкротстве были оставлены без рассмотрения денежные требования учреждения к обществу, основанные на ненадлежащем исполнении подрядчиком обязательств по одним и тем же договорам (нарушение сроков выполнения работ, недоброкачественность их результата, получение от заказчика платежей сверх причитающегося подрядчику и т.д.).

При этом в деле о банкротстве общества учреждение предъявило свое требование в ходе процедуры конкурсного производства в соответствии с абзацем 7 пункта 1 статьи 126 Закона о банкротстве после того, как его иск был оставлен без рассмотрения в общеисковом производстве.

Однако вопреки установленному законом порядку рассмотрения денежных требований к лицу, в отношении которого открыта процедура конкурсного производства, суд апелляционной инстанции, неверно применив нормы процессуального права, ошибочно счел, что возможно дальнейшее разрешение иска заказчика к подрядчику в общеисковом порядке, создав тем самым препятствия для рассмотрения по существу тождественного требования в рамках дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 12.09.2019 № 309-ЭС17-10562 \(2\)](#)

При исполнении одним из солидарных должников по договору поручительства требований кредитора, из реестра требований другого должника подлежат исключению требования такого кредитора в части исполненного (в размере регрессного требования) за вычетом доли самого исполнившего солидарного должника.

Правопреемником кредитора в реестре требований кредиторов указанного должника становится исполнивший солидарный должник.

В рамках дела о банкротстве Мешалкина В.Я. (далее также - должник) общество «РосИнКапитал» обратилось в суд с заявлением об исключении из реестра требований кредиторов должника требований в размере 53 456 083,10 руб.

Иванов О.Г. обратился с заявлением о замене общества «РосИнКапитал» по требованию в указанном размере на правопреемника - Иванова О.Г.

Заявления объединены в одно производство для совместного рассмотрения.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявления общества «РосИнКапитал» и Иванова О.Г. удовлетворены частично: из реестра исключено требование общества «РосИнКапитал» в части 9 712 085,07 руб. основного долга и 3 651 935,58 руб. неустойки; в оставшейся части по требованию общества «РосИнКапитал» в реестре произведена замена кредитора на правопреемника - Иванова О.Г.

Постановлением суда округа от 20.02.2019 судебные акты судов первой и апелляционной инстанций изменены: из реестра исключено требование общества «РосИнКапитал» в части 19 424 170,15 руб. основного долга и 7 303 871,40 руб. неустойки. В оставшейся части по требованию общества «РосИнКапитал» в реестре произведена замена кредитора на правопреемника - Иванова О.Г.

Как установлено судами, определением арбитражного суда от 27.03.2017 в реестр включено требование общества «РосИнКапитал» в размере 38 848 340,30 руб. основного долга и 14 607 742,8 руб. неустойки, составляющих задолженность Мешалкина В.Я. как поручителя за общество «Титан» (лизингополучателя) по заключенным последним с обществом «Сбербанк Лизинг Норд» (лизингодателем) договорам от 17.06.2011 и от 29.07.2011 (далее – договоры лизинга).

Лизингодатель по соглашениям от 30.07.2015 и 05.08.2015 о замене сторон по договорам лизинга передал обществу «РосИнКапитал» право собственности на предметы лизинга, а также право требования задолженности в размере 53 456 083,10 руб.

В обеспечение исполнения обязательств по договорам лизинга заключены четыре договора поручительства с должником, Мезяевым С.Н., Казаковым А.Н. и Ивановым О.Г.

Впоследствии (13.02.2018) общество «РосИнКапитал» и должник подписали соглашение о расторжении договоров поручительства к договорам лизинга.

Иванов О.Г. признан банкротом (дело № А76-28565/2015), в рамках дела о его банкротстве определением от 14.07.2017 в третью очередь реестра включено требование общества «РосИнКапитал» по договорам лизинга в размере 53 456 083,10 руб., определением суда от 21.03.2018 требования общества «РосИнКапитал» признаны удовлетворенными в полном объеме.

Погашение Ивановым О.Г. задолженности по договорам лизинга за общество «Титан» послужило причиной для подачи настоящих заявлений в арбитражный суд.

Рассматривая заявления, суды первой и апелляционной инстанций, исходя из количества поручившихся за исполнение обязательств общества «Титан» по договорам лизинга, определили, что объем перешедшего к Иванову О.Г. права регрессного требования за вычетом его доли составляет $\frac{3}{4}$.

Действия по расторжению договора поручительства между обществом «РосИнКапитал» и Мешалкиным В.Я. расценены судами как злоупотребление правом, поскольку совершены в ситуации корпоративного конфликта между Мешалкиным В.Я. и Ивановым О.Г. с целью недопущения участия последнего как конкурсного кредитора в деле о банкротстве должника.

Изменяя судебные акты, суд округа указал, что поскольку общество «РосИнКапитал» предъявило требование о взыскании задолженности только к обществу «Титан», Мешалкину В.Я. и Иванову О.Г., а поручительства Мезяева С.Н. и Казакова А.Н. прекращены за истечением предусмотренного в договорах срока, объем прав, перешедших к Иванову О.Г. как сопоручителю, составляет 1/2.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Суд округа исходил из того, что общество «РосИнКапитал» не реализовало свои права как кредитора по обязательству из договоров лизинга в отношении Мезяева С.Н. и Казакова А.Н., в связи с чем их доли подлежат распределению на оставшихся поручителей.

Согласно статье 324 ГК РФ солидарный должник не может ссылаться в качестве возражения на требование кредитора на то обстоятельство, что кредитор отказался от иска к другому солидарному должнику или простил ему долг. Вне зависимости от этих действий кредитора должник, исполнивший солидарную обязанность, получает регрессное требование, в том числе и к должнику, в отношении которого кредитор отказался от иска или которому он простил долг (пункт 52 постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

В противном случае нарушались бы разумные правовые ожидания поручителя, который при выдаче совместного обеспечения рассчитывал на возможность предъявления регрессных требований к остальным поручителям в случае исполнения им обязательств перед кредитором.

Таким образом, непредъявление обществом «РосИнКапитал» требований к Мезяеву С.Н. и Казакову А.Н. не влияет на объем регресса Иванова О.Г. к сопоручителям. Вывод суда округа в этой части ошибочен.

В соответствии со сложившейся судебной практикой аффилированность лиц, предоставивших поручительство, предполагает его совместный характер (определение ВС РФ от 04.10.2018 № 305-ЭС18-9321).

Сторонами не оспаривается, что предоставление поручителями обеспечения обусловлено их связанностью с обществом «Титан» как лизингополучателем по договорам лизинга.

Предоставившие совместное обеспечение лица являются солидарными должниками по отношению к кредитору. В случае исполнения одним из таких солидарных должников обязательства перед кредитором к нему в порядке суброгации переходит требование к основному должнику (абзац четвертый статьи 387 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом его отношения с другими выдавшими обеспечение членами группы регулируются положениями пункта 2 статьи 325 Гражданского кодекса Российской Федерации о регрессе: он вправе предъявить регрессные требования к каждому из лиц, выдавших обеспечение, в сумме, соответствующей их доле в обеспечении обязательства, за вычетом доли, падающей на него самого.

Следовательно, Иванов О.Г., исполнив обязательство перед кредитором в полном объеме, по общему правилу, вправе рассчитывать на получение с Мешалкина В.Я. одной четвертой от суммы долга в порядке регресса.

Иное распределение долей между солидарными должниками может вытекать из их отношений (пункт 2 статьи 325 ГК РФ).

Так, судами установлено наличие корпоративного конфликта между Мешалкиным В.Я. и Ивановым О.Г.

Этим, в частности, можно объяснить расторжение договора поручительства между должником и обществом «РосИнКапитал» после того, как Иванов О.Г. оплатил задолженность. Такие действия расценены судами как злоупотребление правом (статья 10 ГК РФ), направленное на причинение вреда Иванову О.Г. и недопущения последнего к участию в деле о банкротстве Мешалкина В.Я.

Кроме этого, вступившим в законную силу судебным актом установлено, что Мешалкин В.Я. являлся контролирующим общество «РосИнКапитал» лицом. Из этого следует, что бездействие упомянутого кредитора по реализации прав из договоров лизинга в отношении Мезяева С.Н. и Казакова А.Н. фактически исходит от Мешалкина В.Я.

Подобное поведение, по сути, свидетельствует о том, что во внутренних отношениях сопоручителей (солидарных должников) Мешалкин В.Я. противопоставляет Иванову О.Г. не только свои интересы, но и интересы Мезяева С.Н. с Казаковым А.Н., а потому при регрессе доли последних подлежат распределению на должника.

Оспаривание сделок должника.

Определение ВС РФ от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744

Действия сторон договора подряда, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений (перерасчет итогового платежа заказчика путем уменьшения цены договора на сумму убытков заказчика, возникших вследствие просрочки подрядчика), не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования.

Объединение обратилось в суд с иском к обществу о взыскании 15 689 512,18 руб.

Судами трех инстанций исковые требования удовлетворены.

Как усматривается из материалов дела, объединение (подрядчик) и общество (заказчик) заключили договор подряда от 20.06.2011 на выполнение работ по проектированию, строительству, монтажу, пуско-наладке, проведению гарантийных испытаний энергоблока Нижневартовской ГРЭС.

Согласованная сторонами стоимость работ составила 11 483 673 106 руб.

Договором предусмотрено, что при обнаружении недостатков работ в ходе их приемки, подрядчик обязан своими силами устранить выявленные недостатки. Если подрядчик не устраняет недостатки в срок, указанный в уведомлении об устранении недостатков, заказчик, в частности, вправе потребовать от подрядчика уплаты неустойки и, кроме того, устранить недостатки самостоятельно или поручить их устранение другому лицу с отнесением документально подтвержденных расходов на подрядчика. В этом случае заказчик вправе произвести соответствующее удержание из причитающихся подрядчику платежей.

Объединение выполнило предусмотренные договором работы и передало их результат обществу, в подтверждение чего представлен акт приемки законченного строительством объекта. В двустороннем приложении к акту отражены недостатки выполненных работ, не препятствующие вводу в эксплуатацию объекта, созданного по договору.

Сославшись на то, что обязательство по оплате выполненных работ общество исполнило ненадлежащим образом, в связи с чем образовалась задолженность в сумме 15 689 512,18 руб., объединение обратилось в арбитражный суд с настоящим иском.

Возражая по иску, общество указало на то, что работы выполнены недоброкачественно, спорная сумма удерживается им в счет возмещения убытков, возникших вследствие устранения за свой счет недостатков выполненных работ.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 и статьей 421 ГК РФ юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Из принципа свободы договора следует, что стороны подрядной сделки вправе конкретизировать в тексте договора общие правила пункта 1 статьи 723 ГК РФ, детализировав как порядок устранения недостатков выполненных работ, так и механизм переложения расходов заказчика на их устранение на неисправного подрядчика.

В рассматриваемом договоре подряда общество и объединение установили, что в случае неустранения подрядчиком недостатков работ в отведенный заказчиком срок последний вправе устранить недостатки самостоятельно (поручить их устранение третьему лицу) и удержать из причитающихся подрядчику платежей сумму своих расходов на устранение недостатков.

Термин «удержание» использован в договоре в значении отличном от того, которое закреплено в статьях 359, 360 ГК РФ.

Приведенное договорное условие, по сути, является соглашением о перерасчете договорной цены на случай недоброкачественности выполненных подрядчиком работ, что не противоречит закону.

Так, в соответствии со статьями 702, 708, 709 и 720 ГК РФ обязательственное правоотношение по договору подряда состоит из двух основных встречных обязательств, определяющих тип этого договора (далее – основные обязательства): обязательства подрядчика выполнить в натуре работы надлежащего качества в согласованный срок и обязательства заказчика уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой (статья 328 ГК РФ).

Из встречного характера указанных основных обязательств и положений пунктов 1 и 2 статьи 328, а также статьи 393 ГК РФ, согласно которым при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должник обязан возместить причиненные кредитору убытки, следует, что в случае ненадлежащего исполнения принятого подрядчиком основного обязательства им не может быть получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом.

Неисправный подрядчик не вправе требовать выплаты полной договорной цены, если выявлены не устраненные за его счет недостатки переданного заказчику объекта. Такое недоброкачественное выполнение работ порождает необходимость перерасчета итогового платежа заказчика путем уменьшения цены договора на сумму убытков заказчика, возникших вследствие несоблюдения требований к качеству работ. Подобное сальдирование вытекает из существа подрядных отношений и происходит в силу встречного характера основных обязательств заказчика и подрядчика.

Действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности подрядчика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает сам подрядчик своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший факт сальдирования. Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 13 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

В рассматриваемом случае объединение, признав наличие с его стороны отступлений от договора подряда, ухудшивших результат работ, отказалось устранять недостатки, сославшись на банкротство. В связи с этим общество устранило недостатки за свой счет и направило объединению документы, подтверждающие фактически понесенные расходы на устранение недостатков. Каких-либо мотивированных возражений по данным документам объединение не заявило, в том числе не указало на завышение обществом расходов на устранение недостатков.

[Определение ВС РФ от 02.09.2019 № 307-ЭС19-6974\(2\)](#)

При оспаривании в рамках банкротства банка сделки с клиентом банка подлежит учету, насколько обычной была такая сделка для должника. Разрешая вопрос о наличии признаков предпочтительности сделки судам надлежит проверять наличие неисполненных распоряжений иных клиентов по перечислению денежных средств с их счетов в банке до того, как были погашены требования контрагента по оспариваемой сделке.

Сама по себе продажа имущества, оставшегося за банком как за залоговым кредитором, или полученного им в качестве отступного, как правило, является для него типичной сделкой. При оспаривании такой сделки существенное значение для разрешения дела имеет вопрос об осведомленности контрагента о финансовом состоянии банка в момент совершения сделки. Случайное совпадение обстоятельств совершения сделки будет свидетельствовать в пользу ее обычности.

Как следует из судебных актов и материалов дела, по договору купли-продажи от 19.10.2016 банк (продавец) в день заключения сделки передал Федорову А.А. (покупателю) три погрузчика общей стоимостью 16 915 595 руб., а Федоров А.А. оплатил покупку посредством перевода денежных средств со своего счета, открытого в этом же банке.

25.10.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией, 08.11.2016 возбуждено дело о его банкротстве, а 19.12.2016 в отношении банка введена процедура конкурсного производства, функции конкурсного управляющего возложены на агентство.

Агентство потребовало в арбитражном суде признать недействительным договор купли-продажи от 19.10.2016 и применить последствия недействительности сделки: восстановить обязательства банка перед Федоровым А.А. по расчетному счету в этом банке и право собственности банка на погрузчики.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

По мнению заявителя, суды не применили абзац 5 части 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве: не сопоставили наступившие от спорной сделки последствия с теми, на что кредитор был вправе рассчитывать при удовлетворении его требований в конкурсном производстве. При таком сопоставлении Федоров А.А. мог

рассчитывать на получение денежных средств со своего счета в банке в составе кредиторов третьей очереди, а по спорной сделке он получил удовлетворение этих же требований преимущественно даже перед кредиторами первой очереди. К тому же по спорной сделке банк лишился высоколиквидного актива (техники), за счет реализации которого другие кредиторы вправе были претендовать на удовлетворение своих требований к должнику. Взамен банк не получил от Федорова А.А. ничего, поскольку платеж был осуществлен технической проводкой, не сопровождавшейся реальным движением денежных средств.

Удовлетворение кредитной организацией в преддверии своего банкротства требований отдельного кредитора в более льготном порядке, чем он мог бы рассчитывать в соответствии с очередностью, установленной статьями 134, 189.92 Закона о банкротстве, свидетельствует о признаке предпочтительности в отношении этого кредитора.

В то же время в силу пункта 2 статьи 61.4 Закона о банкротстве не является недействительной сделка, подпадающая под признаки предпочтительности, если она совершена в обычной хозяйственной деятельности должника, если цена передаваемого имущества не превышает один процент стоимости активов должника за последний отчетный период перед этой сделкой.

Как правило, к обычным относятся типичные для должника сделки, существенно не отличающиеся от аналогичных, ранее неоднократно совершавшиеся им в течение продолжительного периода времени, например, платежи по действующим обязательствам. При оспаривании банковских платежей также подлежит учету, насколько обычными они были для клиента (пункты 14, 35.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"). Однако, данное правило не исключает возможности признать и иные сделки обычными при наличии на то оснований.

В рассматриваемом деле, отказав агентству в удовлетворении его требований, суды указали, что в результате совершения купли-продажи имущества банка погашение его обязательств перед Федоровым А.А. не производилось, поэтому оспариваемая сделка не обладает признаками предпочтительности.

Между тем этот вывод не верен. Поскольку покупка погрузчиков оплачена Федоровым А.А. за счет денежных средств, находящихся на его счете в том же банке, банк внутренней проводкой погасил свои обязательства перед Федоровым А.А. по возврату денежных средств клиента, передав ему свое имущество.

Разрешая вопрос о наличии признаков предпочтительности, судам следовало проверить, как минимум, обстоятельства, на которые ссылалось агентство, в частности, на наличие неисполненных распоряжений иных клиентов по перечислению денежных средств с их счетов в банке до того, как были погашены требования Федорова А.А. При этом остались не опровергнутыми доводы агентства о том, что требования этих клиентов банк не погасил и впоследствии они были включены в реестр третьей очереди кредиторов. При доказанности этих обстоятельств сделка банка с Федоровым А.А. имеет признаки предпочтительности.

Продажа имущества, оставшегося за банком как за залоговым кредитором, или полученного им в качестве отступного, как правило, является для него типичной сделкой. Не представляет ничего необычного спорная сделка и для Федорова А.А., так как согласно его объяснениям у него имелся строительный бизнес, в котором погрузчики были востребованы. В то же время необычность сделки может выражаться в условиях, при которых она совершалась. Передача банком за шесть дней до отзыва у него лицензии своего ликвидного и дорогостоящего имущества члену совета директоров в обмен на актив сомнительной ликвидности при том, что в банке начались неплатежи по поручениям клиентов, сама по себе нетипична.

При таких обстоятельствах существенное значение для разрешения дела имеет вопрос об осведомленности Федорова А.А. о финансовом состоянии банка в момент совершения сделки, учитывая как доводы агентства о статусе Федорова А.А. по отношению к банку, так и возражения Федорова А.А. о внесении им в банк незадолго до отзыва лицензии значительного денежного вклада, чего он не сделал бы при осведомленности о предстоящем банкротстве. Случайное совпадение обстоятельств совершения сделки будет свидетельствовать в пользу ее обычности.

[Определение ВС РФ от 05.09.2019 № 305-ЭС18-17113\(4\)](#)

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделкой платежа по погашению кредитного договора в рамках банкротства банка в дополнение к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве (оказание предпочтения ответчику по сравнению с иными кредиторами), истец должен доказать выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности банка (о таком могут свидетельствовать досрочное

погашение кредита путем внутрибанковской проводки, наличие скрытой картотеки неисполненных платежных поручений иных клиентов банка).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) банка его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными банковских операций по погашению компанией кредитной задолженности перед банком на общую сумму 206 278 630,14 руб., применении последствий недействительности операций.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Как установлено судами, между банком и компанией (заемщиком) заключены договоры кредитной линии от 07.08.2015 на сумму 140 000 000 руб. на срок до 31.12.2018, а также от 01.06.2016 на сумму 150 000 000 руб. на срок до 31.12.2018.

В период с 03.07.2017 по 06.07.2017 с открытого в банке счета компании в пользу банка произведено списание денежных средств в целях погашения задолженности по кредитным договорам на сумму 206 278 630,14 руб.

Приказом ЦБ РФ от 07.07.2017 у должника отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация.

Отказывая в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, суды указали на отсутствие доказательств оказания предпочтения компании перед другими кредиторами должника (наличия на момент совершения оспариваемых сделок неисполненных в срок распоряжений иных клиентов банка).

Установив, что направленные на погашение задолженности по кредиту денежные средства переведены на счет компании, являющейся застройщиком, со счетов иных клиентов банка во исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, суды пришли к выводу о совершении сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Между тем судами не учтено следующее.

Периоды подозрительности и предпочтительности в делах о банкротстве кредитных организаций исчисляются с даты назначения Банком России временной администрации по управлению кредитной организацией (пункт 7 статьи 61.9, пункт 3 статьи 189.40 Закона о банкротстве).

Спорные сделки совершены в течение месяца до назначения временной администрации банка.

По смыслу пункта 4 статьи 189.40 Закона о банкротстве в случае оспаривания на основании статьи 61.3 данного закона сделок по списанию кредитной организацией денежных средств со счета клиента в этой организации в счет погашения задолженности клиента перед кредитной организацией бремя доказывания выхода сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности кредитной организации лежит на истце (конкурсном управляющем), что (в отличие от общих правил об оспаривании сделок – пункт 2 статьи 61.4 Закона), по сути, означает наличие презумпции совершения кредитной организацией подобного рода сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности.

Следовательно, в дополнение к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве (оказание предпочтения ответчику по сравнению с иными кредиторами), истец должен доказать выход сделок за пределы обычной хозяйственной деятельности банка.

В обоснование заявления конкурсный управляющий обращал внимание на то, что погашение кредита произведено компанией досрочно посредством внутрибанковских проводок при наличии скрытой картотеки неисполненных платежных поручений иных клиентов банка; с 30.06.2017 банк отключен от системы электронных платежей, с указанной даты началось формирование картотеки неисполненных платежных поручений клиентов должника, которая впоследствии только нарастала.

Кроме этого, при рассмотрении настоящего обособленного спора конкурсный управляющий ссылался на наличие иных принятых по настоящему делу судебных актов о признании недействительными банковских операций, совершенных в тот же период в аналогичной ситуации. Так, в рамках другого обособленного спора установлено, что по состоянию на 03.07.2017 в банке имелась скрытая картотека неоплаченных платежных документов.

В рассматриваемом же случае при схожих обстоятельствах совершения в тот же период банковских операций суд пришел к противоположному выводу.

[Определение ВС РФ от 23.09.2019 № 306-ЭС18-6320 \(2\)](#)¹

¹ См. также [Определение ВС РФ от 23.09.2019 № 306-ЭС18-6320 \(3\)](#)

Для разрешения спора о признании недействительным договора поручительства судам необходимо определить мотивы предоставления обеспечения за должника, то есть реальные причины, побудившие поручителя-акционера банка принять на себя солидарное кредитное обязательство. Такими причинами могли быть:

- наличие аффилированности между должником и поручителем (родственные, корпоративные и иные связи);

- не связанный с аффилированностью собственный экономический интерес поручителя в предоставлении кредита должнику;

- номинальный статус должника в качестве заемщика, при этом реальным получателем денежных средств выступал поручитель, что могло быть использовано сторонами, например, для искусственного обхода ограничений в кредитовании связанных с банком лиц и т.п.

При этом в случае недоказанности того, что интересы лиц, между которыми распределен капитал банка (как самостоятельных субъектов оборота) совпадают, обеспечение со стороны одного из акционеров банка служит своей основной цели - создает для банка и других его участников дополнительные гарантии исполнения обязательств должника.

В рамках дела о банкротстве Развеева В.Б. финансовый управляющий его имуществом обратился в суд с заявлением о признании недействительной сделкой договора поручительства от 27.03.2014, заключенного между банком и должником в обеспечение исполнения обязательств Васякина В.А. по договору о предоставлении кредита от 27.03.2014.

Судами апелляционной инстанции и округа заявление удовлетворено.

Как установлено судами, в соответствии с условиями кредитного договора Васякину В.А. предоставлены денежные средства в размере 80 932 000 руб. со сроком возврата 25.09.2014, за исполнение обязательств по возврату кредита поручился должник.

Развеев В.Б., его сын и дочь являлись акционерами банка (общее количество голосующих акций составляло 19,97%).

Определением суда от 23.01.2017 возбуждено дело о банкротстве должника, решением суда от 30.03.2017 Развеев В.Б. признан банкротом, введена процедура реализации имущества гражданина.

В обоснование настоящего заявления финансовый управляющий имуществом, ссылаясь на статью 10 ГК РФ, указывал, что совершение оспариваемой сделки повлекло дополнительные обязательства для должника во вред интересам его кредиторов.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции указал на отсутствие доказательств злоупотребления правом при заключении договора поручительства, отметив, что должник неоднократно выступал поручителем Васякина В.А. по кредитным договорам.

Признавая договор поручительства недействительной сделкой, суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился суд округа, исходил из заинтересованности банка и должника, непринятия банком мер по взысканию задолженности по кредитному договору с Васякина В.А. и необоснованного предоставления отсрочки по кредиту. В связи с этим суд указал на отсутствие оснований для отнесения спорной сделки к совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности, а также отметил, что злоупотребление правом выразилось в выводе активов должника в пользу банка через механизм поручительства с целью причинения вреда кредиторам.

Между тем судами не учтено следующее.

Сделки поручительства и залога сами по себе обычно не предусматривают встречного исполнения со стороны кредитора в пользу гарантирующего лица (поручителя или залогодателя). Вместе с тем совершение обеспечительных сделок может быть обусловлено наличием какой-либо связи между поручителем (залогодателем) и должником по основному обязательству.

Поэтому для разрешения настоящего спора о признании недействительным договора поручительства судам, помимо прочего, необходимо было определить мотивы предоставления должником обеспечения за Васякина В.А., то есть реальные причины, побудившие Развеева В.Б. принять на себя солидарное кредитное обязательство.

Такими причинами могли быть: - наличие аффилированности между Назаровым А.Ю. и Развеевым В.Б. (родственные, корпоративные и иные связи); - не связанный с аффилированностью собственный экономический интерес Развеева В.Б. в предоставлении кредита Васякину В.А.; - номинальный статус Васякина В.А. в качестве заемщика, при этом реальным получателем денежных средств выступал Развеев

В.Б., что могло быть использовано сторонами, например, для искусственного обхода ограничений в кредитовании связанных с банком лиц и т.п.

В процессе рассмотрения дела банк приводил доводы и ссылался на доказательства, подтверждающие общий экономический интерес Васякина В.А. и Развеева В.Б. (ведение совместного бизнеса).

Указанным доводам оценка судами не давалась, наличие (отсутствие) связанности между заемщиком и поручителем не проверялось.

В соответствии со сложившейся судебной практикой в условиях аффилированности заимодавца, заемщика и поручителя между собою на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки, в том числе выдачи поручительства. В противном случае следует исходить из того, что выбор подобной структуры внутригрупповых связей позволяет создать подконтрольную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения доли требований независимых кредиторов при банкротстве участников группы лиц.

Однако в рассматриваемом случае Развеев В.Б. не являлся единственным либо мажоритарным участником банка, имевшим возможность координировать действия последнего, обладавшим полномочиями давать обязательные для исполнения указания и свободно перемещать активы в собственных целях без учета прав кредиторов подконтрольных организаций для создания мнимого долга поручителя перед контролируемым им заимодавцем в целях причинения вреда иным кредиторам поручителя на случай банкротства.

При недоказанности того, что интересы лиц, между которыми распределен капитал банка (как самостоятельных субъектов оборота) совпадают (статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), обеспечение со стороны Развеева В.Б. служит своей основной цели - создает для банка и других его участников дополнительные гарантии исполнения обязательств Васякина В.А.

Таким образом, вопреки выводу судов сама по себе аффилированность Развеева В.Б. с банком в данном случае не влияет на разрешение вопроса о действительности (недействительности) поручительства.

Банк также обращал внимание на отсутствие у Развеева В.Б. к моменту совершения сделки (за два года и десять месяцев до принятия заявления о его банкротстве) признаков неплатежеспособности и просроченных обязательств, а также на неоднократное заключение должником аналогичных сделок. Данные доводы надлежащей судебной оценки также не получили.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 310-ЭС19-9963](#)

Если при обращении в суд конкурсный управляющий заявил требование о признании недействительным договора, а приведенные им в заявлении об оспаривании сделки фактические обстоятельства (основания заявления) и представленные управляющим доказательства свидетельствуют о наличии признаков недействительности действий по исполнению этого договора, суд должен перейти к проверке данных действий на предмет недействительности и может признать их таковыми в соответствии с надлежащей нормой права (статьей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве).

В подобном случае период подозрительности для применения положений статей 61.2, 61.3 Закона о банкротстве должен учитываться исходя из момента фактического исполнения спорной сделки.

В рамках дела о банкротстве ООО «Бетон-Крым» его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи оборудования от 15.10.2015, заключенного обществом и Заборским С.В., и о применении последствий его недействительности.

Судами апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, Заборский С.В. (займодавец) 14.01.2015 предоставил Зубареву И.Г. (заемщику), являющемуся единственным участником и директором общества, процентный заем в сумме 12 000 000 руб. на срок до 31.03.2015 (договор от 14.01.2015 № 2).

В обеспечение надлежащего исполнения Зубаревым И.Г. заемных обязательств перед Заборским С.В. (займодавцем) общество в момент выдачи займа предоставило поручительство.

Суды установили, что Заборский С.В. имел финансовую возможность предоставить заем в размере 12 000 000 руб. и фактически денежные средства заемщику передал.

Затем Заборский С.В. (покупатель) и общество (продавец) заключили договор купли-продажи от 15.10.2015, по условиям которого продавец обязался передать в собственность покупателю оборудование.

Согласованная сторонами цена договора купли-продажи составила 9 485 794,85 руб.

В день заключения договора купли-продажи продавец и покупатель подписали акт о передаче обществом отчуждаемого оборудования Заборскому С.В.

Кроме того, в тот же день общество и Заборский С.В. подписали акт взаимозачета от 15.10.2015 № 24, в котором зафиксировали прекращение встречных обязательств общества как поручителя по договору займа и Заборского С.В. как покупателя оборудования по договору купли-продажи (на 9 485 794 рубля 85 копеек).

Решением от 24.10.2017 в отношении должника введена процедура конкурсного производства.

Сославшись на недействительность договора купли-продажи, конкурсный управляющий обществом обратился в суд с заявлением о признании данного договора недействительным.

В ходе рассмотрения спора суд первой инстанции установил, что после заключения договора купли-продажи и подписания акта приема-передачи к этому договору оборудование осталось в фактическом владении общества, которое использовало его в обычной хозяйственной деятельности для производства бетона, общество приобретало материалы для изготовления бетона, реализовывало выпускаемую на оборудовании продукцию, осуществляло мероприятия по ремонту и модернизации данного оборудования.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что договор купли-продажи направлен на вывод основного ликвидного имущества общества в пользу одного из кредиторов, которому общество ранее выдало поручительство по личным обязательствам своего участника и руководителя, не получив взамен какой-либо имущественной выгоды. Суд также счел, что на момент заключения договора купли-продажи общество являлось неплатежеспособным, поскольку оно как поручитель имело неисполненные обязательства перед Заборским С.В.

Исходя из доводов лица, оспаривающего сделку, и имеющихся в деле доказательств суд на основании части 1 статьи 133 и части 1 статьи 168 АПК РФ самостоятельно определяет характер спорного правоотношения, возникшего между сторонами, а также нормы права, подлежащие применению (дает правовую квалификацию).

Согласно пункту 3 статьи 61.1 Закона о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве могут быть оспорены не только сами сделки, но и действия, направленные на их исполнение, в том числе действия должника по уплате контрагенту денег, передаче ему вещей по гражданско-правовым обязательствам.

По смыслу приведенных норм процессуального права, положений пункта 3 статьи 61.1 Закона о банкротстве и разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 9.1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», если при обращении в суд конкурсный управляющий заявил требование о признании недействительным договора, а приведенные им в заявлении об оспаривании сделки фактические обстоятельства (основания заявления) и представленные управляющим доказательства свидетельствуют о наличии признаков недействительности действий по исполнению этого договора, суд переходит к проверке данных действий на предмет недействительности и может признать их таковыми в соответствии с надлежащей нормой права (статьей 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве).

В настоящем деле управляющий ссылаясь на то, что отчужденные по договору купли-продажи вещи не выбывали из владения должника до конца 2016 года.

Суд первой инстанции признал доводы управляющего соответствующими действительности, установив, что, несмотря на формальное подписание акта приема-передачи оборудования 15.10.2015, в течение 2016 года должник продолжал владеть проданным имуществом и использовал его в своей хозяйственной деятельности.

Эти обстоятельства не были опровергнуты судом апелляционной инстанции. Более того, в суд апелляционной инстанции представителем самого Заборского С.В. были представлены документы (расписки, пояснения сотрудников), согласно которым демонтаж и перевозка оборудования осуществлены в декабре 2016 года.

Исполнением договора купли-продажи со стороны продавца является передача вещи (товара) в собственность другой стороне (покупателю) (пункт 1 статьи 454 ГК РФ).

По общему правилу право собственности у приобретателя движимой вещи по договору возникает с момента ее передачи (пункт 1 статьи 223 ГК РФ). Передачей же признается, в частности, вручение вещи приобретателю, причем вещь считается врученной приобретателю с момента ее фактического поступления во владение приобретателя или указанного им лица (пункт 1 статьи 224 ГК РФ, пункт 1 статьи 458 ГК РФ).

Таким образом, исходя из установленных судами обстоятельств спора право собственности на оборудование перешло к Заборскому С.В. в момент фактического исполнения договора от 15.10.2015 должником, то есть не ранее декабря 2016 года.

Заявление о признании должника несостоятельным (банкротом) принято к производству определением арбитражного суда от 12.04.2017.

Следовательно, действия должника по передаче оборудования, совершенные во исполнение договора купли-продажи от 15.10.2015, попадают в шестимесячный период подозрительности, установленный пунктом 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Одним из условий признания таких действий по исполнению гражданского обязательства недействительными является, в частности, получение покупателем исполнения в предпочтительном порядке в сравнении с иными кредиторами должника (абзац пятый пункта 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве).

При этом согласно пункту 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве для признания недействительными действий, совершенных в шестимесячный период подозрительности, необходимо, чтобы лицу, в пользу которого совершены эти действия, было известно о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать такой вывод.

Как указал суд апелляционной инстанции, кредиторы общества могли узнать о финансово неустойчивом состоянии должника не ранее октября 2016 года.

Данное указание не позволяет сделать достоверный вывод об осведомленности Заборского С.В., о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника в декабре 2016 года.

[Определение ВС РФ от 28.10.2019 № 304-ЭС19-9513](#)

1. Денежные средства, предоставленные должнику-банкроту в качестве субсидии, подлежат включению в конкурсную массу.

2. Исполнение, учиненное цессионарию, указанному в уведомлении от цедента-банкрота, до момента признания соглашения об уступке недействительным, является надлежащим исполнением.

Решением суда первой инстанции должник (предприятие) признан банкротом, открыто конкурсное производство. В день объявления резолютивной части данного решения между предприятием (цедентом) и обществом (цессионарием) заключен договор уступки прав требования (цессии) № 03-03/18ц, согласно которому цедент передал цессионарию права требования к Администрации города Кемерово (далее – администрация) по выплате субсидий.

Впоследствии 06.04.2018 администрация на основании уведомления, направленного ей предприятием, осуществила исполнение по договору в пользу цессионария.

Полагая, что соглашение об уступке права на получение субсидии является недействительным, конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением об оспаривании сделки.

Объясняя мотивы совершения спорной сделки, общество ссылалось на то, что цессия была направлена на погашение текущей задолженности предприятия по договору поставки нефтепродуктов.

Ставя под сомнение такой вариант развития событий, суд первой инстанции указал, что в материалах дела отсутствуют первичные документы, подтверждающие существование задолженности предприятия.

Однако даже если предположить, что у предприятия имелся долг перед обществом, то спорная сделка по передаче права требования в счет погашения долга фактически опосредовала отступное.

При этом в первом случае (если долга не было) соглашение об уступке являлось безвозмездным и подлежало бы квалификации в качестве сделки с неравноценным встречным исполнением (пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве); во втором же случае (при предоставлении отступного) сделка могла быть квалифицирована как совершенная с предпочтением по отношению к требованиям иных кредиторов (абзац пятый пункта 1 и пункт 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве), учитывая наличие текущей задолженности по заработной и по уплате обязательных платежей более приоритетной очереди. Таким образом, в любом случае спорная сделка являлась недействительной по специальным основаниям законодательства о несостоятельности.

При этом является ошибочным и основанным на неправильном толковании статьи 131 Закона о банкротстве вывод суда округа о том, что денежные средства, предоставленные в качестве субсидии, не подлежали бы включению в конкурсную массу. В случае исполнения администрацией своего обязательства по предоставлению субсидии полученные предприятием денежные средства подлежали бы направлению на

погашение требований всех кредиторов, следовательно, сделка по выбытию актива (права требования) была совершена за счет должника.

При таких условиях выводы судов первой и апелляционной инстанций о недействительности оспариваемого соглашения являются правильными. Однако суды, применяя последствия недействительности сделки в виде взыскания денежных средств с цессионария, не учли следующее.

Как указано выше, после состоявшейся уступки администрация учинила исполнение в пользу общества на основании полученного от предприятия уведомления.

Согласно пункту 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» если уведомление об уступке направлено должнику первоначальным кредитором, то по смыслу абзаца второго пункта 1 статьи 385, пункта 1 статьи 312 Гражданского кодекса Российской Федерации исполнение, совершенное должником в пользу указанного в уведомлении нового кредитора, по общему правилу, считается предоставленным надлежащему лицу, в том числе в случае недействительности договора, на основании которого должна была производиться уступка.

Согласно аналогичной правовой позиции, изложенной в пункте 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации», в силу положений, предусмотренных статьями 312, 382, 385 Гражданского кодекса Российской Федерации, должник при предоставлении ему доказательств перехода права (требования) к новому кредитору не вправе не исполнять обязательство данному лицу.

Достаточным доказательством является уведомление должника цедентом о состоявшейся уступке права (требования).

Указанные положения направлены на защиту интересов должника, исключая возможность предъявления к нему повторного требования в отношении исполненного обязательства со стороны первоначального либо нового кредитора при наличии между ними спора о действительности соглашения об уступке права (требования).

Таким образом, в случае признания судом соглашения об уступке права (требования) недействительным (либо при оценке судом данной сделки как ничтожной и применении последствий ее недействительности) по требованию одной из сторон данной сделки исполнение, учиненное должником цессионарию до момента признания соглашения недействительным, является надлежащим исполнением.

[Определение ВС РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064](#)

Акты взаимозачета, фактически констатирующие объем осуществленного обеими сторонами исполнения, вносящие определенность в состояние расчетов между ними и носящие сверочный характер, не могут быть оспорены в качестве самостоятельных сделок в рамках дела о банкротстве

Между должником (подрядчиком) и обществом (заказчиком) был заключен договор подряда от 04.05.2012 № КБ-ПОД/1, в соответствии с которым подрядчик обязался выполнить работы по строительству жилых домов.

Также между должником (участником долевого строительства) и обществом (застройщиком) было заключено три договора участия в долевом строительстве, по условиям которых застройщик обязался построить жилые дома и после получения разрешения на ввод их в эксплуатацию передать участнику долевого строительства поименованные в договорах помещения.

23.06.2015 и 23.09.2015 должник и общество подписали три акта взаимозачета, согласно которым погашались встречные обязанности сторон по оплате из договоров подряда и участия в долевом строительстве на общую сумму 32 901 938,79 руб.

Разрешая спор, суды сослались на положения пунктов 2 и 3 статьи 61.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и исходили из того, что оспариваемая сделка по зачету от 23.09.2015 совершена после возбуждения дела о банкротстве (03.08.2015) с предпочтением по отношению к требованиям иных кредиторов, которые впоследствии не были удовлетворены. Суды также указали на то, что две сделки от 23.06.2015 совершены в пределах полугодия до возбуждения дела о банкротстве при наличии предпочтения по отношению к иным кредиторам и в условиях неплатежеспособности должника, о чем общество должно было знать, поскольку должник неоднократно в обращениях к обществу ссылался на нехватку денег для выплаты заработной платы и приобретения

строительных материалов в целях продолжения хозяйственной деятельности, также он просил ответчика перечислять денежные средства на счета третьих лиц в целях погашения задолженности перед ними.

При этом из материалов дела следует, что в разделе договора подряда, посвященном оплате выполненных работ, указано на то, что застройщик (общество) передает подрядчику (должнику) права на часть квартир в объекте – жилом доме, подлежащем возведению.

Равным образом в договорах участия в долевом строительстве имеется указание на то, что уплата участником строительства (должником) цены договора возможна путем встречных однородных требований по каждому акту приемки выполненных работ (пункт 5.3 договоров).

Исходя из вышеизложенного, судебная коллегия приходит к выводу, что, несмотря на подписание нескольких документов, в действительности воля сторон (статья 431 Гражданского кодекса Российской Федерации) была направлена на установление между ними единой договорной связи с двумя встречными магистральными обязанностями осуществить характерное исполнение: 1) со стороны должника – строительство домов; 2) со стороны общества – передача части квартир (прав на квартиры). Такой договор является смешанным (пункт 3 статьи 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзац третий пункта 6 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»). При этом обязанность по расчету за характерное исполнение являлась для каждого контрагента альтернативной: как действия по передаче результата выполненных работ могли носить расчетный характер по отношению к полученным правам на квартиры, так и передача квартир могла иметь аналогичный эффект в отношении выполненных работ.

Подобное оформление отношений может быть обусловлено особенностями правовой конструкции договоров участия в долевом строительстве. В частности, как пояснил представитель общества, разделение договора на несколько документов упрощало процедуру государственной регистрации договора участия в долевом строительстве.

Исходя из дат, в которые между сторонами подписывались оформляющие их договор документы, следует заключить, что выполнение должником подрядных работ являлось первоначальным исполнением по договору; затем стороны подписывали договоры участия в долевом строительстве, по которым передавались права на квартиры стоимостью, соотносимой с ценой выполненных работ; и затем уже стороны подписывали оспариваемые акты взаимозачета.

В такой ситуации оспариваемые документы, поименованные как акты взаимозачета, фактически констатировали объем осуществленного обеими сторонами исполнения по договору, внося определенность в состояние расчетов между ними. Подобные акты сами по себе не влекли наступление правовых последствий, не опосредовали выбытие из имущественной сферы должника какого-либо актива, а носили сверочный характер. Поэтому они не могут быть оспорены в качестве самостоятельных сделок в рамках дела о банкротстве (статья 61.1 Закона о банкротстве, статья 153 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При этом исполнение должника по единому договору являлось не последующим, а первоначальным, он сперва выполнял работы, а уже затем происходил расчет с ним посредством передачи прав на квартиры, то есть в данной ситуации отсутствовал признак предпочтения (статья 61.3 Закона о банкротстве). В то же время конкурсный управляющий эквивалентность осуществляемых по договору предоставлений под сомнение не ставил.

Таким образом, у судов не имелось оснований для признания спорных актов взаимозачета или действий должника по исполнению договора недействительными.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.

[Определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079](#)

1. Положения главы III.2 Закона о банкротстве не применимы в случае, если руководитель должника утратил контроль над должником ранее вступления указанной главы в силу.

2. Учитывая тот факт, что предусмотренное статьей 10 Закона о банкротстве такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности как «признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц» по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона основания ответственности в виде «невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих

лиц», значительный объем разъяснений норм материального права, изложенных в постановлении Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», может быть применен и к статье 10 Закона о банкротстве и заявлений, рассматриваемых в соответствии с указанной статьей.

3. Презумпция вины руководителя должника при отсутствии документации должника не может быть применена в случае, когда передача документации арбитражному управляющему становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора. При изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему, что, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении руководителем в натуре обязанности, предусмотренной абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

4. Презумпция доведения должника до банкротства путем совершения невыгодной сделки должника может применяться только тогда, когда инициированная контролирующим лицом невыгодная сделка являлась существенно невыгодной, в том числе применительно к масштабам деятельности должника.

5. Сама по себе выдача должником поручительства за аффилированное лицо не может быть вменена контролирующему лицу в качестве основания для привлечения его к субсидиарной ответственности даже при условии, что размер обязательства, исполнение которого обеспечено поручительством, превышает размер активов должника. Это объясняется тем, что при кредитовании одного из участников группы лиц, как правило, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определение ВС РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611). В то же время ссылка на поручительство как причину банкротства не может использоваться контролирующим лицом как условие, освобождающее его от ответственности, если такое контролирующее лицо осуществляло действия, например, по выводу активов поручителя, что в свою очередь снизило эффективность обеспечения.

В рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий обратился с заявлением о привлечении бывшего руководителя должника Склярской И.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам должника на сумму 293 978 200,06 руб.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Склярская И.В., несмотря на наличие вступивших в законную силу судебных актов, обязывающих ее передать документацию конкурсному управляющему, а также соответствующих запросов управляющего, документацию не передала. Так, в частности, ответчиком не переданы документы по дебиторской задолженности на сумму 48 580 000 руб.; документы, подтверждающие наличие запасов, отраженных в бухгалтерском балансе, стоимостью 9 654 000 руб., а также документы на земельный участок, трансформаторную подстанцию и склад арочного типа.

Контроль над должником был утрачен Склярской И.В. как директором в любом случае не позднее августа 2016 года, учитывая открытие в отношении должника конкурсного производства и передачи функций его руководителя к конкурсному управляющему (статьи 126 и 129 Закона о банкротстве). Таким образом, вменяемые ответчику действия по доведению должника до банкротства также не могли быть совершены после названного месяца.

1. В обозначенный период времени законодателем еще не была принята глава III.2 Закона о банкротстве, а отношения по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности регулировались, в первую очередь, положениями статьи 10 данного Закона (в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ).

Следовательно, ссылка судов на положения статей 61.10 и 61.11 Закона о банкротстве являлась ошибочной, сделанной без учета того, что субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью ответственности гражданско-правовой, материально-правовые нормы о порядке привлечения к данной ответственности применяются на момент совершения вменяемых ответчиком действий (возникновения обстоятельств, являющихся основанием для их привлечения к ответственности (определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3) по делу № А22-941/2006).

2. Однако, учитывая тот факт, что предусмотренное статьей 10 Закона о банкротстве (в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ) такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности как «признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц» по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время статьей 61.11 Закона основания ответственности в виде «невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц», а потому значительный объем разъяснений норм материального права, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – постановление № 53), может быть применен и к статье 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ.

При этом как ранее, так и в настоящее время процесс доказывания обозначенных выше оснований привлечения к субсидиарной ответственности был упрощен законодателем для истцов посредством введения соответствующих опровержимых презумпций, при подтверждении условий которых предполагается наличие вины ответчика в доведении должника до банкротства, и на ответчика перекладывается бремя доказывания отсутствия оснований для удовлетворения иска.

3. При этом как ранее, так и в настоящее время действовала презумпция, согласно которой отсутствие (непередача руководителем арбитражному управляющему) финансовой и иной документации должника, существенно затрудняющее проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, указывает на вину руководителя.

Смысл этой презумпции состоит в том, что руководитель, уничтожая, искажая или производя иные манипуляции с названной документацией, скрывает данные о хозяйственной деятельности должника. Предполагается, что целью такого сокрытия, скорее всего, является лишение арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов возможности установить факты недобросовестного осуществления руководителем или иными контролируемыми лицами своих обязанностей по отношению к должнику. К таковым, в частности, могут относиться сведения о заключении заведомо невыгодных сделок, о выводе активов и т.п., что само по себе позволяет применить иную презумпцию субсидиарной ответственности (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 в нынешней редакции Закона о банкротстве, абзац третий пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ). Кроме того, отсутствие определенного вида документации затрудняет наполнение конкурсной массы, например, посредством взыскания дебиторской задолженности, возврата незаконно отчужденного имущества.

Именно поэтому предполагается, что непередача документации указывает на наличие причинно-следственной связи между действиями руководителя и невозможностью погашения требований кредиторов.

Однако, когда передача документации становится невозможной ввиду объективных факторов, находящихся вне сферы контроля директора, соответствующая презумпция применена быть не может. Согласно позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2019 № 306-ЭС19-2986, при изъятии документации должника правоохранительными органами возникает объективная невозможность исполнения руководителем обязанности по ее передаче арбитражному управляющему. Это, в свою очередь, исключает возможность удовлетворения судом требования об исполнении им в натуре обязанности, предусмотренной абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

Именно на наличие подобных объективных препятствий и ссылалась Склярова И.В. при рассмотрении настоящего обособленного спора. В частности, она обращала внимание, что в материалах дела имеется ее запрос в УЭБ и ПК ГУ МВД по Московской области, а также ответ вышеуказанного органа, согласно которому полномочия ответчика как руководителя должника прекращены, в силу чего ему не может быть предоставлена информация о следственных действиях. Ответчик также обращал внимание, что в ходе изъятия документов следственными органами копии протокола об изъятии не выдавались.

Конкурсный управляющий как лицо, осуществляющее полномочия руководителя должника и иных органов управления (пункт 1 статьи 129 Закона о банкротстве), для решения задач, возложенных на него этим Законом, имел возможность обратиться в правоохранительные органы с требованием о выдаче копий изъятых документов, а при отказе – просить содействия в получении документации у суда, рассматривающего дело о банкротстве, применительно к правилам части 4 статьи 66 АПК РФ. Однако соответствующие действия управляющим предприняты не были.

Вместо этого он, зная о совершении в отношении должника следственных действий (обыск с изъятием документов), направил заявление о привлечении Скляровой И.В. к субсидиарной ответственности. Равным

образом Склярова И.В., зная о совершении правоохранительными органами следственных действий, в ответ на запросы управляющего о предоставлении документации не ссыалась на ее изъятие, а заявила соответствующее возражение только в рамках настоящего обособленного спора. Судам надлежало исследовать причины такого поведения управляющего и ответчика, и оценить их действия на предмет разумности и добросовестности (статья 10 ГК РФ, пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

4. Кроме того, в обоснование вывода о наличии оснований для удовлетворения иска суды сослались на то, что Скляровой И.В. были предприняты действия по сносу здания склада, приобретенного в 2011 году, а также заключена невыгодная сделка по аренде лифтов, в результате которой из активов должника выбыли денежные средства в размере 1 500 000 руб., то есть указали на иную презумпцию доведения до банкротства – совершение существенно невыгодной для должника сделки (подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 в нынешней редакции Закона о банкротстве, абзац третий пункта 4 статьи 10 Закона о банкротстве в редакции Федерального закона от 28.06.2013 № 134-ФЗ).

Вместе с тем, суды, во-первых, не дали оценку возражениям ответчика о целесообразности и разумности действий по разрушению склада, который на момент его сноса по сведениям ответчика являлся ветхим. Во-вторых, суды не учли, что указанная презумпция совершения невыгодной сделки может применяться только тогда, когда инициированная контролирующим лицом невыгодная сделка являлась существенно невыгодной, в том числе применительно к масштабам деятельности должника. В частности, надлежало дать правовую оценку существенности произведенным ответчиком манипуляциям с конкурсной массой, а именно, сопоставить размер неудовлетворенных требований кредиторов с размером потерь от невыгодных сделок, например, от договора аренды лифтов.

5. Судебная коллегия также полагает необходимым обратить внимание и на следующее. Судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин несостоятельности должника. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков, исключив при этом иные (объективные, рыночные и т.д.) варианты ухудшения финансового положения должника.

В настоящем случае Склярова И.В., являясь бывшим руководителем должника, при рассмотрении спора ссыалась на то, что реальной причиной банкротства послужил невозврат кредитов обществом с ограниченной ответственностью «Спортивный мир Атеми», за которое поручился должник.

Сама по себе выдача должником поручительства за аффилированное лицо не может быть вменена контролирующему лицу в качестве основания для привлечения его к субсидиарной ответственности даже при условии, что размер обязательства, исполнение которого обеспечено поручительством, превышает размер активов должника. Это объясняется тем, что при кредитовании одного из участников группы лиц, как правило, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611). В то же время ссылка на поручительство как причину банкротства не может использоваться контролирующим лицом как условие, освобождающее его от ответственности, если такое контролирующее лицо осуществляло действия, например, по выводу активов поручителя, что в свою очередь снизило эффективность обеспечения.

[Определение ВС РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600 \(5-8\)](#)

1. Неравноценность сделки сама по себе не свидетельствует о том, что лица, ее заключившие, обязаны возместить убытки, тем более принимая во внимание, что стандарт доказывания по искам (статья 53.1 ГК РФ) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей). В таком случае судам надлежит устанавливать наличие убытков от спорной сделки на общих основаниях.

2. При рассмотрении заявления о возмещении убытков связанных с заключением недействительного договора аренды помещений должника по мотиву неравноценности встречного предоставления судам надлежит выяснить, являлась ли необходимой и возможной сдача в аренду спорного здания по рыночной ставке в условиях неопределенности относительно дальнейшей

юридической судьбы объекта недвижимости, представлялся ли разумным и в принципе возможным поиск арендатора, готового инвестировать денежные средства в эксплуатацию помещения должника.

В рамках дела о банкротстве должника Ворст В.Н., Деревенец В.А., Попов А.А. и ЗАО «Клиника» обратились с заявлением о взыскании с Мельниковой Ю.А., Ботвинникова М.В. и Климова А.С. 501 410 814 руб. убытков в солидарном порядке.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

В период рассмотрения дела о банкротстве между должником в лице конкурсного управляющего Мочалина Р.В. (арендодателем) и обществом с ограниченной ответственностью «УМХЦ» (арендатором) был заключен ряд договоров аренды помещений в здании медицинского центра общей площадью 8 755,40 кв.м.

Последний из договоров определен от 16.02.2018 по настоящему делу был признан недействительным в качестве подозрительной неравноценной сделки, поскольку предусматривал ежемесячную плату за помещения в размере 60 000 руб.

Полагая, что данные невыгодные сделки, предоставляющие арендатору возможность по заниженной цене пользоваться зданием медицинского центра, заключены по инициативе и под контролем ответчиков, истцы обратились в суд с настоящим заявлением о возмещении убытков.

Разрешая спор, суды установили, что в уставном капитале должника истцам Ворсту В.Н., Деревенцу В.А. и Попову А.А. принадлежат доли по 10 % каждому, Ботвинникову М.В. и Мельниковой Ю.А. – по 20 % каждому, самому обществу принадлежит 30 % в уставном капитале.

Суды также указали, что сторона ответчиков имеет не только корпоративный контроль, но и контроль в деле о банкротстве в качестве кредиторов. Так, ранее акционерное общество «Гранд-Строй» являлось мажоритарным залоговым кредитором, обладающим 79 % голосов на собрании. Его ликвидатором являлся Климов А.С. Это общество зарегистрировано по тому же адресу, как и общество с ограниченной ответственностью «Каприн», единственным участником и руководителем которого является Ботвинников М.В.

Мельникова Ю.А. на основании доверенности от 14.06.2013 являлась представителем общества «Гранд-Строй», уполномоченным вести переговоры по вопросам уставной деятельности общества.

Впоследствии общество «Гранд-Строй» уступило свои требования к должнику цессионариям – Климову А.С. и Ботвинникову М.В., которые далее уступили эти права в пользу общества с ограниченной ответственностью «РИН», участником которого с долей участия в размере 50 % уставного капитала является Климов А.С.

Делая вывод, что совершение спорных невыгодных сделок было инициировано ответчиками, суды отметили, что заключение признанного недействительным договора аренды от 01.07.2017 было одобрено залоговым кредитором – АО «Гранд-Строй» в лице ликвидатора Климова А.С.

От имени ООО «УМХЦ» договор аренды был подписан Ботвинниковой А.М., являющейся дочерью Ботвинникова М.В. и участником ООО «УМХЦ» с долей 50 %, при том, что оставшаяся 50 % доля принадлежит Мельниковой Ю.А.

Таким образом, сославшись на положения статей 10, 15, 53, 1064 ГК РФ, суды заключили, что ответчики являются группой заинтересованных лиц, имеющих фактическую возможность определять действия должника и заставивших его передать арендатору здание медицинского центра в пользование по заниженной цене, чем фактически причинили должнику убытки, которые подлежат возмещению, в том числе за их счет. При таких условиях суды удовлетворили заявленные требования.

Между тем судами не учтено следующее.

1. Выводы судов по существу основаны на предположении, согласно которому признание недействительным договора аренды здания по мотиву неравноценности само по себе влечет вывод о наличии у должника убытков в период аренды. Поэтому судами в рамках настоящего обособленного спора исследовался лишь вопрос соучастия, а именно, с кем совместно действовал арбитражный управляющий, передавая имущество в пользование по невыгодной ставке, а точнее, кто из лиц, имевших возможность оказывать влияние на фигуру должника, получил выгоду от спорной сделки.

Вместе с тем, ссылаясь на определение от 16.02.2018 относительно размера рыночной ставки аренды здания медицинского центра, суды не учли, что по указанному вопросу в рамках настоящего дела о банкротстве имеются вступившие в законную силу судебные акты с противоположными выводами.

Однако суды, делая вывод о причинении убытков от спорной сделки, содержание других конкурирующих судебных актов проигнорировали. В данной ситуации неравноценность сделки сама по себе

не свидетельствовала о том, что лица, ее заключившие, обязаны возместить убытки, тем более принимая во внимание, что стандарт доказывания по искам (статья 53.1 ГК РФ) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей).

В связи с изложенным судам надлежало устанавливать наличие убытков от спорной сделки на общих основаниях. Действительно, невозможно предположить, что рыночная ставка аренды здания медицинского центра в г. Москве площадью 8 755,40 кв.м может составлять 60 000 руб. в месяц. Такой размер арендной платы даже по внешним признакам сильно отклоняется от рыночного и является подозрительным. Вряд ли независимый участник оборота когда-либо сможет найти подобное предложение от неаффилированного с ним арендодателя на соответствующем товарном рынке. Однако по своей природе аренда коммерческого имущества предполагает возможность пользования им и извлечения дохода. В то же время суды не дали правовой оценки доводам ответчиков о том, что в период действия спорного договора коммерческая эксплуатация здания не представлялась возможной; несмотря на то, что здание как объект недвижимости было введено в эксплуатацию, оно не могло быть использовано для оказания медицинских услуг и ведения предпринимательской деятельности (медицинское оборудование не было смонтировано, не была получена разрешительная документация). В случае подтверждения данных доводов судам необходимо было определить, опосредовал ли договор от 01.07.2017 настоящие арендные отношения либо в действительности аффилированными по отношению к должнику лицами была инициирована передача имущества в пользу иного аффилированного лица для обеспечения его сохранности и уменьшения бремени несения текущих расходов по содержанию здания (пункт 2 статьи 616 Гражданского кодекса Российской Федерации).

2. Кроме того, суды не учли, что по смыслу правовой позиции, изложенной в определении ВС РФ от 29.08.2016 № 307-ЭС14-8417, эксплуатация принадлежащих должнику объектов после открытия в отношении него конкурсного производства допускается лишь в той мере, в которой это необходимо для подготовки имущества к его отчуждению посредством торгов. В связи с этим суды не определили, являлась ли необходимой и возможной сдача в аренду спорного здания по рыночной ставке в условиях неопределенности относительно дальнейшей юридической судьбы объекта недвижимости, представлялся ли разумным и в принципе возможным поиск арендатора, готового инвестировать денежные средства в эксплуатацию медицинского центра, если по итогам процедуры этот объект мог быть отчужден иному собственнику.

[Определение ВС РФ от 06.10.2019 № 307-ЭС17-11745 \(2\)](#)

Установление фактического контроля лица над должником не всегда обусловлено наличием (отсутствием) юридических признаков аффилированности. Напротив, конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, в раскрытии своего статуса контролирующего лица не заинтересован и старается завуалировать как таковую возможность оказания влияния на должника.

Статус контролирующего лица устанавливается в том числе через выявление согласованных действий между бенефициаром и подконтрольной ему организацией, которые невозможны при иной структурированности отношений.

При этом, защищаясь против предъявленного заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, контролирующему лицу недостаточно ограничиться только отрицанием обстоятельств, подтверждающих его аффилированность с должником, необходимо представить собственную версию инкриминируемых ему действий.

В рамках дела о банкротстве должника уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности Грабара В.В., Купоросова А.В., Тихонова Ю.А. и взыскании с указанных лиц в солидарном порядке 2 747 225 582,04 руб.

Судами двух инстанций Грабар В.В. и Купоросов А.В. привлечены к субсидиарной ответственности. Судом округа судебные акты отменены в части привлечения к субсидиарной ответственности Грабара В.В., в этой части в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия считает, что постановление суда округа подлежит отмене.

Как установлено судами первой и апелляционной инстанций и следует из материалов обособленного спора, Грабар В.В. являлся президентом должника с 01.11.2000, участником АО «Холдинговая компания

«Ладога» (37%) (собственник торговых марок группы компаний), а с июля 2014 - управляющим КТ «Ладоком холдинг КГ» (участник ООО «Ран-Эстейт» (60,16%), в собственности которого находится имущественный комплекс группы компаний «Ладога»). В период с 1999 года до февраля 2010 года Грабар В.В. являлся генеральным директором общества с ограниченной ответственностью «Холдинговая компания «Ладога», с 2014 года - президентом открытого акционерного общества «Ладога Дистрибьюшен».

ОАО «Ладога Дистрибьюшен» осуществляет функции дистрибуции алкогольной продукции, произведенной и импортируемой группой компаний «Ладога».

Купоросов А.В. в период с марта 2010 года по февраль 2015 года являлся руководителем, а в последующем ликвидатором должника. Купоросов А.В. также является участником АО «Холдинговая компания «Ладога» (37%), до сентября 2015 года - участником (25%) КТ «Ладоком холдинг КГ».

В ходе выездных налоговых проверок установлено, что обществом при участии подконтрольных ему «фирм-однодневок» в 2010-2011 годах осуществлены мероприятия, направленные на уменьшение налоговой нагрузки и получения должником необоснованной налоговой выгоды. В результате выявления искажения данных бухгалтерской отчетности обществу доначислены суммы налогов, сборов, начислены пени, штрафы.

Также установлены обстоятельства, свидетельствующие о выводе в период с 01.01.2012 по 31.12.2013 значительного объема денежных средств должника (свыше 1 млрд. руб.) в пользу иностранного юридического лица - компании «Максбурн Лимитед»: поступающие от хозяйственной деятельности обществу денежные средства перечислялись по цепочке в течение одного или двух банковских дней на расчетные счета доверенных лиц, а далее на счета организаций, имеющих договорные отношения с должником, либо на счета «фирм-однодневок».

Впоследствии при наличии задолженности по уплате обязательных платежей в бюджет Российской Федерации произведена реорганизация общества: имеющиеся активы переведены на вновь созданное 31.03.2014 юридическое лицо (общество с ограниченной ответственностью «Группа Ладога»), которое фактически начало работать в тех же помещениях и на оборудовании, ранее принадлежавшем должнику, с теми же работниками и контрагентами.

Как отметили суды, вышеуказанные действия не могли быть осуществлены без одобрения, участия и контроля занимающих ключевые позиции в руководстве должника Грабара В.В. и Купоросова А.В.

Отменяя судебные акты в части привлечения к субсидиарной ответственности Грабара В.В., суд округа исходил из того, что согласно должностной инструкции президент общества подотчетен генеральному директору и осуществляет лишь контроль над эффективным взаимодействием трудового персонала должника, его структурных подразделений, направленных на достижение наибольшей экономической и маркетинговой эффективности, а также над внедрением научно-технического прогресса по всем направлениям его деятельности.

Между тем судом округа не учтено следующее.

Законодательство о несостоятельности в редакции как Федеральных законов от 28.04.2009 № 73-ФЗ и от 28.06.2013 №134-ФЗ, так и Федерального закона от 29.07.2017 № 266-ФЗ предусматривали возможность привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности за доведение должника до банкротства (создание ситуации невозможности погашения требований кредиторов). Несмотря на последовательное внесение законодателем изменений в положения, регулирующие спорные отношения, правовая природа данного вида ответственности сохранилась.

Как ранее, так и в настоящее время к такой ответственности подлежало привлечению лицо, осуществляющее фактический контроль над должником (независимо от юридического оформления отношений) и использовавшее властные полномочия во вред кредиторам, то есть своими действиями приведшее его к банкротству.

Суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что признаки неплатежеспособности общества возникли в связи с привлечением должника к ответственности за налоговые правонарушения и взысканием с него в доход бюджета значительной суммы задолженности. Впоследствии в результате перевода всего имущественного комплекса, товарных знаков и персонала общества в ООО «Группа Ладога» должник окончательно утратил возможность осуществлять хозяйственную деятельность и рассчитываться с кредиторами.

Таким образом, суды установили, что несостоятельность должника связана не с объективными рыночными факторами, а исключительно с поведением самого должника, воля которого формируется контролирующими его лицами.

Данные обстоятельства не опровергнуты.

Делая вывод об отсутствии контроля над должником у Грабара В.В., суд округа сослался на положения должностной инструкции, принятой обществом.

Вместе с тем установление фактического контроля не всегда обусловлено наличием (отсутствием) юридических признаков аффилированности (пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Напротив, конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, в раскрытии своего статуса контролирующего лица не заинтересован и старается завуалировать как таковую возможность оказания влияния на должника.

При ином подходе бенефициары должника в связи с подконтрольностью им документооборота организации имели бы возможность в одностороннем порядке определять субъекта субсидиарной ответственности путем составления внутренних организационных документов (локальных актов) выгодным для них образом, что недопустимо.

Статус контролирующего лица устанавливается в том числе через выявление согласованных действий между бенефициаром и подконтрольной ему организацией, которые невозможны при иной структурированности отношений.

Обращаясь с настоящим заявлением в арбитражный суд, уполномоченный орган помимо прочего ссылался на следующие обстоятельства:

- согласно карточкам банковских счетов Грабар В.В. вправе распоряжаться денежными средствами общества самостоятельно;

- Грабар В.В. является управляющим КТ «Ладок холдинг КГ» и участником АО «Холдинговая компания «Ладога», которым принадлежат основные активы должника (объекты недвижимости и интеллектуальной собственности);

- на встрече с представителями уполномоченного органа при разрешении вопроса о снятии ареста со счетов ООО «Группа Ладога», а также через СМИ Грабар В.В. позиционировал себя в качестве бенефициара группы компаний «Ладога».

Совокупность указанных обстоятельств позволила судам констатировать наличие у Грабара В.В. признаков контролирующего должника лица с возможностью формирования и реализацией финансовых и иных административно-хозяйственных решений.

Бремя опровержения представленных уполномоченным органом доводов возлагается на Грабара В.В. как процессуального оппонента. При этом, защищаясь против предъявленного иска, ответчику недостаточно ограничиться только отрицанием обстоятельств, на которых настаивает истец, необходимо представить собственную версию инкриминируемых ему событий. Однако Грабар В.В. имеющимся у него правом обоснованного возражения не воспользовался: не объяснил, как его предшествующее поведение согласуется с позицией в настоящем обособленном споре, по которой он не признает себя контролирующим должника лицом.

[Определение ВС РФ от 21.10.2019 № 305-ЭС19-9992](#)

Контролирующее должника лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, возникшим до даты, когда такое лицо обязано было исполнить обязанность, предусмотренную статьей 9 Закона о банкротстве и обратиться с заявлением о признании должника банкротом в случае, если не установлено намерения контролирующего лица недобросовестно скрыть от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица.

ООО «Строй Мех Сервис» после прекращения производства по делу о банкротстве должника обратилось на основании пункта 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве в суд с заявлением о привлечении Фетисова Ю.В., являющегося контролирующим должника лицом, к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций заявление общества признано обоснованным, в его пользу с Фетисова Ю.В. взысканы 6 461 273,58 руб.

Проверив обоснованность доводов, изложенных в кассационной жалобе, объяснениях Фетисова Ю.В. и его представителя, явившихся в судебное заседание, судебная коллегия считает, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене по следующим основаниям.

Как установлено судами, с момента создания должника и до возбуждения дела о его банкротстве Фетисов Ю.В. являлся единственным участником и руководителем должника.

В связи с ненадлежащим исполнением должником обязательств по договору подряда от 19.08.2013 решением арбитражного суда города Москвы от 26.01.2015 с контролируемой Фетисовым Ю.В. организации в пользу общества взысканы 6 461 273,58 руб. Указанное судебное решение вступило в законную силу 30.04.2015.

Поскольку должник не исполнил вступивший в законную силу судебный акт, общество 22.08.2017 обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом.

Определением суда первой инстанции от 22.09.2017 возбуждено производство по делу о банкротстве должника.

Впоследствии определением того же суда от 14.12.2017 производство по данному делу прекращено из-за отсутствия средств, достаточных для возмещения расходов на проведение процедур банкротства (абзац восьмой пункта 1 статьи 57 Закона о банкротстве).

Размер ответственности Фетисова Ю.В. определен обществом в сумме, взысканной решением арбитражного суда от 26.01.2015 (6 461 273,58 руб.).

Удовлетворяя заявление общества на основании статьи 61.12 Закона о банкротстве, суд первой инстанции исходил из того, что Фетисов Ю.В. в силу статьи 9 этого Закона должен был инициировать процесс банкротства должника в течение месяца после вступления в законную силу судебного решения от 26.01.2015, то есть не позднее 01.06.2015, чего он не сделал.

Как полагает общество, правонарушение, с которым оно связывает необходимость привлечения Фетисова Ю.В. к субсидиарной ответственности по обязательствам, вытекающим из договора подряда от 19.08.2013, заключается в неисполнении Фетисовым Ю.В. обязанности по обращению в суд с заявлением о признании банкротом подконтрольной ему организации.

Исходя из положений статьи 10 ГК РФ руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно по отношению к такой группе лиц как кредиторы. Это означает, что он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им, в том числе в получении необходимой информации.

Применительно к гражданским договорным отношениям невыполнение руководителем требований Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о его собственном банкротстве свидетельствует, по сути, о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие несостоятельным должником дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения. Хотя предпринимательская деятельность не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими нормальный (сложившийся) режим хозяйствования.

Исходя из этого в пункте 2 статьи 10 Закона о банкротстве, действовавшем ранее, статье 61.12 Закона о банкротстве, действующей в настоящее время, законодатель презюмировал наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он должен был публично сообщить в силу Закона, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, явно неспособному передать встречное исполнение. Субсидиарная ответственность такого руководителя ограничивается объемом обязательств перед этими обманутыми кредиторами, то есть объемом обязательств, возникших после истечения месячного срока, предусмотренного пунктом 2 статьи 9 Закона о банкротстве.

В рассматриваемом случае, суды установили, что Фетисов Ю.В. должен был инициировать процесс банкротства должника после 30.04.2015. На иной период возникновения обязанности по подаче в суд заявления о несостоятельности должника общество не ссылалось и соответствующие обстоятельства не доказывало.

При таких обстоятельствах у судов не имелось оснований для возложения на Фетисова Ю.В. субсидиарной ответственности за неподачу заявления о банкротстве по обязательствам должника, вытекающим из договора подряда от 19.08.2013, возникшим до 30.04.2015.

Требование о привлечении Фетисова Ю.В. к субсидиарной ответственности по каким-либо другим обязательствам должника или по основанию, связанному с доведением должника до банкротства, общество на разрешение суда не передавало, такого рода обстоятельства не приводило и не обосновывало. С учетом изложенного требование общества, исходя из сформулированных им самим оснований и предмета заявления, не подлежало удовлетворению.

Банкротство граждан.

Определение ВС РФ от 07.10.2019 № 304-ЭС19-9053

В случае, если супруг гражданина-банкрота является наряду с ним должником по обеспечительному обязательству, то он разделяет с банкротом обязанность несения расходов по реализации предмета залога. При таких обстоятельствах проценты по вознаграждению финансового управляющего, реализовавшего такое имущество, надлежит исчислять от полной стоимости имущества, а не от половины, причитающейся должнику.

В рамках дела о несостоятельности Малахова Д.О. финансовый управляющий его имуществом Яковлев В.В. обратился в арбитражный суд с заявлением об установлении процентов по вознаграждению арбитражного управляющего в размере 905 800 руб.

Судебными актами трех инстанций установлены проценты по вознаграждению финансового управляющего в размере 452 900 руб., в удовлетворении заявления в остальной части отказано.

Как установлено судами, должнику принадлежат находящиеся в залоге у банка индивидуальный жилой дом и земельный участок, которые приобретены Малаховым Д.О. и его супругой Малаховой Н.В. в период брака.

По условиям заключенного между супругами брачного договора от 18.10.2011 имущество, нажитое во время брака, сохраняет режим совместной собственности.

В ходе процедуры банкротства должника финансовым управляющим организованы и проведены торги по продаже недвижимого имущества. Стоимость реализованного имущества составила 12 940 000 руб.

Разрешая спор, суды исходили из того, что поскольку должнику принадлежит $\frac{1}{2}$ доли в реализованном недвижимом имуществе, сумма процентов по вознаграждению подлежит исчислению именно от размера этой доли. Как отметили суды, нахождение спорного имущества в залоге не изменяет порядок установления размера вознаграждения финансовому управляющему в случае его реализации.

Между тем судами не учтено следующее.

Сумма процентов по вознаграждению финансового управляющего составляет семь процентов размера выручки от реализации имущества гражданина и выплачивается за счет денежных средств, полученных в результате реализации такого имущества (пункт 17 статьи 20.6, пункт 4 статьи 213.9 Закона о банкротстве).

Вместе с тем в случае реализации заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя общие правила пункта 17 статьи 20.6 Закона о банкротстве применяются с учетом специальных правил, установленных в пункте 5 статьи 213.27 названного Закона.

По смыслу данной нормы, если в залоге находится имущество целиком, то восемьдесят процентов вырученных средств подлежат направлению залоговому кредитору; десять процентов направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований; оставшиеся денежные средства (далее – иные десять процентов) – на погашение судебных расходов, расходов на выплату вознаграждения финансовому управляющему, расходов на оплату услуг лиц, привлеченных финансовым управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей, и расходов, связанных с реализацией предмета залога (текущие расходы).

Из иных десяти процентов в первую очередь погашаются расходы, понесенные в связи с продажей заложенного имущества (статья 319 ГК РФ и пункт 1 статьи 61 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»), в частности, на его оценку, проведение торгов, выплату финансовому управляющему вознаграждения, начисленного в результате удовлетворения требований залогового кредитора, оплату привлеченным лицам, услуги которых были необходимы для реализации предмета залога. В случае, если супруг гражданина-банкрота является наряду с ним должником по обеспечительному

обязательству (статья 353 ГК РФ), то он также претерпевает на себе действия принудительного исполнения такого требования, то есть разделяет обязанность несения этих расходов.

При этом проценты по вознаграждению финансового управляющего, исчисляемые при реализации предмета залога, выплачиваются исключительно за счет и в пределах указанных иных десяти процентов. Действуя добросовестно и разумно, арбитражный управляющий обязан приступать к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов расходов, предусмотренных абзацем 4 пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве.

Режим совместной собственности недвижимого имущества и наличие у Малаховой Н.В., являющейся созалогодателем, солидарной обязанности по кредитному обязательству, установлены судами и не оспариваются сторонами.

Таким образом, примененная судами в данном случае формула расчета процентов по вознаграждению финансового управляющего ошибочна. Законных оснований для исчисления процентов от половины стоимости реализованного общего имущества супругов, находившегося в залоге по общему обязательству, не имеется.

[Определение ВС РФ от 31.10.2019 № 307-ЭС16-12310 \(4\)](#)

По завершении процедуры реализации имущества должника-банкрота, не освобожденного от исполнения обязательств, кредитор вправе ходатайствовать о выдаче исполнительного листа. Выдавая исполнительный лист, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках банкротных процедур.

Определением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19.07.2018 завершена процедура реализации имущества Кехмана В.А., должник не освобожден от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами.

Сбербанк России, общество «Акварин», БМ-Банк, Промсвязьбанк и общество с ограниченной ответственностью «Пулковская Торговая Компания» обратились в арбитражный суд с заявлениями о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение той части их требований, которые не были удовлетворены в ходе процедуры реализации имущества гражданина.

Отказывая в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение требований кредиторов, которые не были удовлетворены в ходе процедуры реализации имущества гражданина, суд первой инстанции указал на то, что с учетом разъяснений, изложенных в пункте 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (далее – постановление № 45), выдача таких листов предусмотрена только по требованиям, перечисленным в пунктах 5 и 6 статьи 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В отношении остальных требований имеется квалифицированное умолчание законодателя, то есть даже в условиях неосвобождения от долгов исполнительные листы по ним не выдаются.

Между тем судами не учтено следующее.

По требованиям, поименованным в пунктах 5 и 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве, законодатель указал на наличие у кредиторов права получить исполнительный лист.

Однако предусмотрев возможность не освободить должника от иных обязательств (пункт 4), законодатель в то же время не определил механизм реализации такими кредиторами своих требований к должнику после процедуры несостоятельности. Тем не менее, это не означает, что подобное отсутствие законодательного регулирования не может быть восполнено посредством применения положений пункта 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве к ситуациям неосвобождения от обычных долгов по аналогии (пункт 6 статьи 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Вопреки выводам судов само по себе отсутствие прямого законодательного регулирования не свидетельствует о наличии запрета на выдачу исполнительных листов. Они могли быть выданы судом исходя из общих начал процессуального законодательства, даже если бы пункт 5 статьи 213.28 Закона о банкротстве не предусматривал возможность их выдачи в схожих ситуациях. При этом не имеется оснований полагать, что между поименованными в пунктах 5-6 названной статьи требованиями и иными обязательствами должника, от которых он не освобожден, имеется принципиальная разница,

препятствующая принудительному исполнению последних в рамках исполнительного производства по завершении процедуры банкротства.

По своей правовой природе судебные акты о включении требований в реестр обладают сходством с принимаемыми в рамках общеискового производства судебными актами о взыскании долга. Таким образом, основанием для выдачи исполнительного листа по завершении дела о банкротстве являются именно судебные акты о включении требований в реестр.

Применительно к рассматриваемым отношениям с учетом разъяснений пункта 44 постановления № 45 это регулирование означает, что, выдавая исполнительный лист после завершения дела о банкротстве, суд указывает в нем информацию о возложении на должника обязанности передать взыскателю денежные средства в размере суммы, включенной в реестр, за вычетом сумм, которые были погашены к моменту выдачи листа в рамках банкротных процедур. Вопрос о выдаче исполнительных листов по таким требованиям разрешается арбитражным судом по ходатайству заинтересованных лиц в судебном заседании.

Банкротство застройщиков.

[Определение ВС РФ от 05.09.2019 № 306-ЭС16-3099 \(4, 5\)](#)

Заявления участников строительства о признании права собственности на квартиры/доли в праве общей долевой собственности на незавершенный строительством жилой дом, предъявленные к застройщику в рамках его банкротства, не подлежат удовлетворению, потому как жилой дом не достроен, квартиры отсутствуют как оборотоспособные объекты, а также потому как законом не предусмотрено возникновение общей долевой собственности на незавершенное строительством здание.

В рамках дела о банкротстве корпорации-застройщика несколько физических лиц-участников строительства обратились в суд с заявлениями о признании за ними права собственности на доли в праве собственности на незавершенный строительством многоквартирный жилой дом, в виде конкретных квартир и об исключении их требований в отношении данных квартир из реестра требований о передаче жилых помещений.

При новом рассмотрении спора определением суда первой инстанции заявления удовлетворены, за каждым из физических лиц признано право собственности на долю в праве общей долевой собственности на незавершенный строительством жилой дом, требования упомянутых граждан исключены из реестра требований о передаче жилых помещений.

Как усматривается из материалов дела, корпорация привлекала денежные средства граждан для строительства жилого дома.

Решением от 11.04.2011 корпорация признана несостоятельной (банкротом), в отношении нее открыта процедура конкурсного производства.

Заявители по спору являются участниками строительства, что подтверждено договорами, предусматривающими передачу жилых помещений, которые будут созданы в будущем, поименованными договорами об участии в строительстве жилья, заключенными с корпорацией в 2003 – 2009 годах, и последующими договорами об уступке требований. Договоры об участии в строительстве жилья совершены не по правилам Закона об участии в долевом строительстве. Они не прошли государственную регистрацию.

Жилой дом не был построен корпорацией.

Требования физических лиц к корпорации о передаче квартир включены в реестр требований о передаче жилых помещений вступившими в законную силу судебными актами.

Суд округа отклонил за недоказанностью возражения других участников строительства о наличии правоприязаний иных лиц в отношении спорных квартир, а также о наложении границ некоторых жилых помещений в результате разработки проектной документации новым застройщиком.

Однако судами не учтено следующее.

Между заявителями по обособленному спору и корпорацией возникли основанные на договорах обязательственные правоотношения, в силу которых корпорация (должник) обязалась совершить в пользу граждан (кредиторов) определенное действие, а именно, передать им имущество в собственность (подпункт 1 пункта 1 статьи 8, пункты 1 и 2 статьи 307 ГК РФ).

В случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность кредитору последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи ее кредитору на предусмотренных обязательством условиях (статья 398 Гражданского кодекса).

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 26 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», при отсутствии у должника индивидуально-определенной вещи, которая подлежит передаче кредитору, кредитор не вправе требовать ее отобрания у должника и передачи в соответствии с условиями договора.

Эти разъяснения согласуются со специальными положениями пункта 8 статьи 201.11 Закона о банкротстве, согласно которым необходимым условием признания за участником строительства права собственности на квартиру, подлежащую передаче по договору, является завершение строительства и получение должником в установленном порядке разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома, то есть фактическое создание квартиры как индивидуально-определенной вещи, которая может являться объектом гражданского оборота.

В рассматриваемом случае строительство жилого дома не завершено, в натуре квартиры как обротоспособные объекты не существуют.

При таких обстоятельствах, право собственности на «доли ... в виде квартир» не могло быть признано судами. Судебная коллегия не может согласиться и с выводами судов о возникновении общей долевой собственности на незавершенным строительством жилой дом.

Статьей 130 ГК РФ объекты незавершенного строительства, действительно, отнесены к объектам недвижимого имущества. Вместе с тем основания возникновения (приобретения) права собственности на них, в том числе права общей долевой собственности, определены иными положениями закона – статьями 218 и 244 ГК РФ.

Наличие таких оснований заявители по спору, являющиеся покупателями по договору купли-продажи квартиры как будущей вещи, не подтвердили. Норма, содержащаяся в абзаце первом пункта 1 статьи 218 ГК РФ, на которую сослался суд округа, не регулирует спорные отношения о правах покупателя квартиры на объект незавершенного строительства.

Ввиду того, что жилой дом не достроен, при этом ни законом, ни условиями договоров не предусмотрено возникновение общей долевой собственности на незавершенное строительством здание, заявления участников строительства не подлежали удовлетворению.

Судами установлено, что Министерство строительства области по результатам конкурсного отбора поручило обществу завершить строительство жилого дома как проблемного объекта. Министерство заключило с обществом соглашение о сотрудничестве от 23.05.2016.

Обращение граждан в суд с заявлением к корпорации о признании права собственности, как следует из пояснений участников строительства и их представителей, данных в судебном заседании судебной коллегии, преследовало цель создания гарантий того, что в случае завершения строительства жилого дома любым способом, в том числе силами общества, им будут предоставлены жилые помещения в данном доме.

Установленные гражданским законодательством способы защиты права от совершаемых нарушений должны применяться с учетом характера таких нарушений. Полагая, что наделение общества правами застройщика является неправомерным, либо что такое наделение, по сути, означает перевод на последнего обязательств перед всеми участниками строительства по передаче оплаченных ими квартир после завершения строительства жилого дома и должно сопровождаться переоформлением обществом договоров, ранее заключенных корпорацией с гражданами, заявители по настоящему обособленному спору не лишены права обратиться в суд с надлежащим требованием к надлежащему ответчику. Исходя из тех оснований заявлений (пункт 5 части 2 статьи 125, пункт 3 части 1 статьи 126 АПК РФ), которые приводили граждане - участники строительства при обращении в суд, в рамках настоящего обособленного спора их требования к корпорации о признании права собственности не могли быть переквалифицированы и рассмотрены судами как требования иного характера.

[Определение ВС РФ от 05.09.2019 № 305-ЭС14-7512 \(24\)](#)

При рассмотрении требований участника строительства к застройщику, заявленных после закрытия реестра последнего, по мотиву пропуска срока на предъявление требований в связи с неуведомлением управляющим такого кредитора об открытии процедуры конкурсного производства, судам надлежит, изучив фактические обстоятельства, установить наличие либо отсутствие

действительного материально-правового интереса такого кредитора, а также изучить причины беспечного поведения участника строительства, не интересовавшегося процессом строительства, откладывая предьявление требований на неразумно долгий срок, оценить на предмет добросовестности осведомленность участника о процедуре банкротства с учетом выкупа таким участником иных требований к застройщику уже в процессе конкурсного производства.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника судами трех инстанций включено в третью очередь реестра требований кредиторов денежное требование участника строительства Караяни В.И. в размере 125 244 458,41 руб., в реестр включены также сведения о жилых помещениях, являющихся предметом договоров о передаче жилых помещений.

Как установлено судами, 27.05.2004 между Караяни В.И. (инвестором) и должником (застройщиком) заключены четыре договора об инвестировании строительства жилого дома.

Между Хадисовым К.В. (цедентом, инвестором) и Караяни В.И. (цессионарием) заключен договор уступки прав требования (цессии) от 28.10.2016, в соответствии с которым цедент уступает, а цессионарий принимает права (требования) в полном объеме к должнику из двух договоров от 20.12.2004 об инвестировании строительства указанного жилого дома, заключенных между Хадисовым К.В. и должником.

Сведения о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства (решение от 14.02.2013) опубликованы конкурсным управляющим 22.02.2013, реестр закрыт 21.04.2013.

Требования Караяни В.И. направлены посредством почтовой связи из Молдовы 05.11.2016 (письмо ДГУП «Бендерская почта» от 23.04.2018), поступило в суд 08.05.2018.

Принимая требования к рассмотрению, суды исходили из того, что уведомление Караяни В.И. о введении в отношении должника процедуры банкротства направлено конкурсным управляющим только 10.07.2018, то есть после поступления требований Караяни В.И. в суд, в связи чем сочли срок предьявления не пропущенным. Требования признаны судами обоснованными.

Между тем судами не учтено следующее.

Обращаясь с настоящим заявлением, Караяни В.И. фактически ссылался на неуведомление его конкурсным управляющим об открытии в отношении должника конкурсного производства и в связи с этим невозможность своевременного предьявления им требований, вытекающих из спорных договоров.

Специальные правила о банкротстве застройщиков направлены на обеспечение приоритетной защиты граждан – участников строительства как непрофессиональных инвесторов. Исходя из этого судебной практикой применительно к ранее действовавшему законодательному регулированию сформирована правовая позиция о начале течения срока предьявления требования такими кредиторами, который исчисляется не ранее даты направления им указанного уведомления временным или конкурсным управляющим.

При применении данного подхода наряду с иными обстоятельствами следует принимать во внимание, что покупка жилого помещения по договору долевого участия изначально сопряжена с определенными рисками для его будущего владельца. В связи с этим предполагается, что последний, вступая в данные правоотношения, действует разумно и осмотрительно, проявляет достаточную степень заботливости (по меньшей мере, интересуется ходом строительства) и не может в отсутствие к тому уважительных причин на неопределенно долгий срок откладывать предьявление требования, нарушая тем самым права иных участников строительства на удовлетворение их требований (создание ЖСК, привлечение нового застройщика, реализация объекта незавершенного строительства и т.п.).

В рассматриваемом случае, Караяни В.И., вложив в 2004 году значительные денежные средства в строительство спорного объекта с намерением выкупить несколько квартир, впоследствии должной заинтересованности в реализации инвестиционного проекта, срок окончания которого по условиям договоров истек в 2007 году, не проявлял.

Причины столь беспечного поведения Караяни В.И. не раскрыл.

Более того, впоследствии по договору уступки Караяни В.И. приобретает дополнительные права требования из инвестиционных договоров на строительство жилого дома по тому же адресу, несмотря на то, что должник свыше трёх лет находится в процедуре конкурсного производства.

При таких обстоятельствах судам следовало исследовать вопрос добросовестности ссылок Караяни В.И. на отсутствие у него информации о банкротстве застройщика (пункт 3 статьи 1, статья 10 ГК РФ).

Нетипичное для данной сферы правоотношений поведение Караяни В.И. оценки со стороны судов не получило.

Обоснованность требования Караяни В.И. по существу судами также не проверена (пункт 26 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»). Суды лишь констатировали внесение денежных средств по квитанции к приходно-кассовому ордеру и отсутствие спора в этой части.

При новом рассмотрении суду следует учесть доводы конкурсного управляющего об окончании расчетов с участниками строительства, а также выяснить действительный материально-правовой интерес Караяни В.И. (денежное требование или требование о передаче жилых помещений).

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

[Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики: монография / под редакцией А. Н. Ряховской \(Юрайт, 2019\)](#)

[Подольский Ю. Обособленные споры в банкротстве \(Статут, 2020\)](#)

[Добрачев Д. Проблемы судебной практики привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства \(Инфотропик Медиа, 2019\)](#)

2. Диссертации

[Ершов Д.В. Организация и проведение торгов в электронной форме в процедурах несостоятельности \(банкротства\)](#)

Дата защиты: 22.10.2019

Место защиты: ФГБОУ ВО "Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина"

3. Статьи

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Сентябрь

[Покрышкин Н., Глоов Д. Спор о привлечении лица к субсидиарной ответственности. Как суды применяют редакции закона](#)

[Набережный А. Номинальный руководитель: когда суд освободит его от ответственности](#)

[Шпаков А. Вознаграждение арбитражного управляющего: когда его можно повысить или снизить](#)

Октябрь

[Солодовникова Л. Субсидиарная ответственность: три нетипичных лица, которые ответят по долгам компании](#)

[Степанчук М., Шайхутдинова А. Должник банкротится. Как супругу взыскать свою долю в общем имуществе](#)

[Ефремов В., Малькова А. Финансирование расходов по делу о банкротстве: три сценария действий кредитора](#)

[Набережный А. Главный бухгалтер: когда суд привлечет его к субсидиарной ответственности](#)

Журнал "Вестник экономического правосудия"

Сентябрь

[Костин А. Трансграничное банкротство и международный коммерческий арбитраж в РФ \(процессуальные и материальные аспекты\)](#)

Октябрь

[Плешанова О. Единственное или не единственное: два режима заложенного жилья при банкротстве гражданина](#)

[Шайдуллин А. Модель понижения в очередности \(субординации\) займов участников юридических лиц в России: в поисках оптимального регулирования](#)

[Сайфуллин Р. Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды](#)

Журнал "Корпоративный юрист"

Сентябрь

[Чернышева Т. 10 мифов о банкротстве, в которые до сих пор верят собственники компаний](#)

[Вакуленко А. Переход прав пользования недрами при банкротстве. Этапы, процедуры и риски](#)

Октябрь

[Пшеничников С., Солощенко А. «ЦентрОбувь» — банкрот. Контрагенты должника и их способы защиты от конкурсного управляющего](#)

Журнал "Юрист компании"

Сентябрь

[Акименко Т. Когда арбитражного управляющего можно оставить без вознаграждения](#)

Октябрь

[Шилова Ю. Доводы, которые защитят директора от субсидиарной ответственности](#)

4. Блоги

Баклажанов Е. [Позволено ли в банкротстве кредитору-предпринимателю мимикрировать под «обманутого дольщика»?](#)

Будылин С. [Дело о транзитном должнике, или Верховный Суд о субординации требований в банкротстве](#)

Двойченков П. [Хотели как лучше, а получилось как всегда \(обзор скрытых новелл законопроекта о реструктуризации долгов юридических лиц\)](#)

Задорожный А. [Кризис банкротства и возможности финансового рынка](#)

Задорожный А. [Основные нарушения при проведении торгов в банкротстве и их последствия](#)

Иванков Н. [О невозможности в банкротстве добиться права на получение доступа к переписке должника](#)

Казанцев А. [Сохранение долгов физического лица после банкротства](#)

Казанцев А. [Погашение требований уполномоченного органа в банкротстве. Альтернативный вариант](#)

Кучембаев А. [Может ли случившийся страховой случай прекратиться?](#)

Лугманов Р. [Условные денежные требования в банкротстве](#)

Назаров А. [Освобождение от субсидиарной ответственности по результатам процедуры банкротства гражданина](#)

Насонов А. [Предпочтение перед самим собой, или Адресный характер норм о банкротстве](#)

Попова О. [Прокредиторский закон о банкротстве убивает российскую промышленность](#)

Постильга А. [Обзор значимых определений Верховного Суда Российской Федерации за август 2019 года в сфере банкротства](#)

Постильга А. [Проблематика оспаривания преференциальных платежей в пользу залоговых кредиторов](#)

Слабых И. [О злоупотреблении правом со стороны юриста при оказании услуг будущему банкроту](#)

Толкунова П. [Как посчитать объективное банкротство?](#)

Хлюстов П. [Amicus curiae в ВС РФ по вопросу возможности включения ценных бумаг, переданных покупателю в рамках исполнения первой части договора репо, в состав его конкурсной массы](#)

Черных А. [Исследование судебной практики по принятию обеспечительных мер после Определения ВС РФ по делу ИпоТек Банка \(определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС17-4004\(2\)\)](#)

Ягнакова Е. [Как избавиться от искусственной кредиторки?](#)

Ягнакова Е. [Сделка с аффилированным кредитором](#)

* * *

Ответственный

редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права
(РШЧП), к.э.н., управляющий
партнер Адвокатского бюро
"Эксиора" город Москва

Редакторы:

Татьяна Иванова

(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина

(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмагилова

(юрист-эксперт, редактор
портала Закон.ру)

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44